

*27 апреля 2014 года состоялся чин Великого освящения
Знаменского храма и Божественная литургия.
Возглавил службу Патриарх Московский и всея Руси Кирилл*

*Впервые храм освящался Великим
чином в 1852 году*

Освящается храм сей...

Божественная литургия. Служит Патриарх Кирилл

Великий подвиг веры

Через веру человек обретает возможность жить в Боге, то есть жить вечно. Господь не сказал, что для этого нужно иметь человеческую власть, быть могущественным, сильным, богатым. Он сказал только одно: тот, кто верит, что Иисус есть Христос, то есть Спаситель и Сын Божий, тот будет иметь жизнь во Христе, в Боге. Значит, вера является той самой силой, которая способна повести нас в вечность, и никакой другой силы, никакой другой добродетели, никакого иного гуманистического измерения жизни недостаточно для того, чтобы обрести вечность в Боге. Только вера.

Верить – означает нередко идти против здравого смысла, против человеческого опыта, против законов природы. Почему Фома не поверил апостолам? Да потому, что природа уверяла: не может воскреснуть человек. Это было против опыта Фомы, против опыта абсолютного большинства людей. И когда Спаситель является, Он просто говорит: осяжи Мое Тело и не будь неверен, но верен.

Почему Господу было угодно, чтобы именно вера определяла спасение человека? Потому, что вера – это такое состояние человека, которое требует отдачи всех сил. Кто сильно молился хотя бы раз в жизни, например из страха смерти, или вымаливал жизнь для несчастных, безнадежно больных, близких родственников, родителей и детей, тот знает, что такое подвиг истинной молитвы. Христос, молившийся в Гефсимании, проливал кровавый пот. Можно представить, как напряжены были Его человеческие силы, чтобы молиться с такой отдачей энергии. Вера требует этой концентрации сил. Потому она и является непреходящим условием нашего спасения.

Сколько существует мир, столько существует вера и столько же существует неверие. Предельно ясно, почему человек не верит. Если он опирается только на знания и на опыт, то все, что превышает его знания и его опыт, он отрицает. Есть такое выражение: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». И нередко, произнося эти слова, человек отрицает самую возможность существования того, что находится за пределами его опыта, точь-в-точь повторяя соделанное Фомой.

Иногда, оправдывая свое неверие и неверие своих детей в особенности, неверие молодежи, мы говорим: «Да, в наше вре-

Из Слова Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной литургии в Знаменском храме 27 апреля 2014 года. Фомина неделя

мя трудно верить». А почему в наше время трудно верить? Человечество каждую эпоху создавало какие-то продукты, которые можно отнести к результатам цивилизационного развития. Разве египетские пирамиды не поражали воображение? Разве ирригационная система Нижнего Нила не завораживала людей? Изобретение бумаги, письма... А познания в астрономии, в медицине!.. Разве не поражало все это воображение людей? Никогда не следует ссылаться на эпоху, подчеркивая, что, мол, достижения современной эпохи препятствуют человеку верить в Бога. Это – абсолютное заблуждение. Как говорил французский ученый и мыслитель Паскаль: чем больше я занимаюсь наукой, тем больше я приближаюсь к вере простого крестьянина, но до веры простой крестьянки мне еще далеко.

То, что происходит сегодня в мире, является производным от человеческого ума, образования, организации, вложения финансов и никак не может повлиять на мировоззренческий выбор человека,

если только это по-настоящему выбор. Если человек не плывет в общем потоке, по воле волн, если сознательно прокладывает свой жизненный путь, это никак не может повлиять на его веру или даже безверие. Мы должны помнить, что вера там, где внутреннее напряжение, концентрация, где есть смысл и где начинается реальный опыт соприкосновения человека с иным миром. Этот опыт бывает разным. У Фомы это был опыт физического соприкосновения с воскресшим Телом Спасителя. У большинства людей нет такого опыта, но есть опыт молитвы. Это самый сильный опыт. Тогда в ответ на нашу просьбу Бог посылает нам то, о чем мы Его просим.

Если внимательно посмотреть на то, как жил тот или иной человек, что происходило в его детстве, юности, в зрелые годы, то каждый может увидеть на себе руку Божию не только в достижениях и победах, но в поражениях и страданиях. Нужно научиться взирать на собственную жизнь с высоты птичьего полета, стараться видеть причинно-следственные связи, приведшие к тем или иным событиям, и тогда откроется нам рука Божия и в нашей жизни, как открывается она для нас с вами в истории нашего многострадального отечества. Нужно действительно почти ничего не понимать и не видеть, чтобы отрицать, что рука Божия несомненно с нашим народом. Она проводила его через радости, через скорби, через трагедии, через очистительной силы страдания для того, чтобы в XXI веке наш народ, народ Святой Руси, являл всем миру пример духовного возрождения и сильной веры, на которые никак не влияет продукция современной цивилизации. Дай Бог, чтобы благодать Божия, которая является нам в нашей жизни, укрепляла нас в том числе и на путях к богопознанию, укрепляла нашу веру. А через веру давала надежду на жизнь вечную во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь. Христос Воскресе!

В заключение Святейший Патриарх сказал:

– Хочу сердечно поблагодарить Вас, отец Георгий. За двадцать четыре года Вашего служения здесь, за то многое, что было сделано не только по возрождению этого храма, но и по созданию гимназии. Вы знаете, что я особое внимание уделяю тому, как наши приходы работают с детьми, с молодежью, насколько развит образовательный процесс. И поэтому хотел бы поблагодарить не только Вас, но в Вашем лице весь клир сего святого храма, весь приходской актив, тружеников, которые несут свое служение на разных послушаниях.

И ныне, и присно, и во веки веков

Рубрикой «Неизвестное об известном» мы начинаем публикации, рассказывающие о нашем Знаменском храме. О его нынешнем дне, о его истории, о людях, чьи судьбы оказались связаны с ним. Ведущий рубрики – Архивариус (думаем, понятно, почему избран такой псевдоним). Слой за слоем он будет снимать напластования лет и веков, обнажая факты, имена, события. И, как того требуют законы изыскательских наук, повернет время вспять – из нашего сегодня сперва в недавнее, затем в давнее, потом и в вовсе забытое прошлое. Итак, сегодня премьеры.

Современный адрес храма иконы Божией Матери «Знамение», что в Ховрине, – Фестивальная улица, дом 77а. Наверное, можно числить его и по Клинской улице, поскольку стоит в самом ее начале, на пересечении двух этих магистралей. Когда-то Ховрино было даже не окраиной – «заокраиной» Москвы. До чего же изменился этот район! Всего несколько десятилетий назад многоэтажные новостройки еще соседствовали с деревянными домиками дачного типа, окруженными роскошными яблоневыми садами. Сегодня Ховрино вступило в пору, можно сказать, генеральной реконструкции – параллельно с Октябрьской железной дорогой строится гигантская скоростная автотрасса. Уже нет домиков, нет яблоневых садов. Удары свайных машин сотрясают округу, и на что уж крепки стены храма, даже они вздрагивают от поступи технического прогресса.

И все же храм стоит. Стоит не один век. Время словно обходит его, утекая в прошлое, а он – стоит. И никакие «врата ада» не одолели его. Хотя столько было попыток!.. Но об этом – не сегодня. Сегодня – о том, каков он, нынешний храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, как и чем он живет и кто его обитатели.

Из сообщений информационных стендов, установленных внутри церковной ограды, видно, что каждый день здесь весьма разнообразен и насыщен. Вот, например, расписание работы секции настольного тенниса (тренер – мастер спорта Юлия Васильева). Эта школа весьма популярна у прихожан и жителей района – на занятия и соревнования люди приходят целыми семьями. Прихожане считают, что спортивные занятия – это все равно что воспитание хороших манер и почитания старших, обучение основам искусств и наукам. Здесь

не делают каких-то сверхлюдей. Здесь помогают в самом важном – в формировании нормального, гармоничного человека. Или вот – объявление напоминает о воскресной школе. Сюда, повзрослев, приходят, можно сказать, прямо с детской площадки, которая находится прямо за спиной изучающего информационный стенд. Школа открылась в 1992 году, одновременно с возвращением храма в лоно Русской Православной Церкви. Это значит, что приходской совет считал это делом не меньшей важности, чем восстановление храма. Сегодня здесь обучаются почти девяносто человек самого разного возраста, начиная с пяти лет.

Читающим эту заметку, наверное, интересно будет узнать, что журнал «Лампада» – ровесник воскресной школы. Правда, тогда это была всего лишь маленькая газетка, выходящая по праздникам. Однако, несмотря на трудности девяностых годов, которые

Служба

Скауты Знаменского храма

никак не обошли и церковь, настоятель все же затеплил «Лампаду», и ее огонек не гаснет вот уже двадцать лет, недавно отметив юбилей.

А теперь у журнала есть тезка – православная гимназия «Лампада», предмет особой заботы и внимания. Пока она, правда, еще в стадии становления, есть только начальные классы, тесновато с помещением. Но ведь все начинается с начала, не так ли? Директор гимназии Денис Юрьевич Алексеев, по всему видно, взялся за дело основательно. Бог ему в помощь!

Река времени, которая словно бы обтекает Знаменский храм, не трогая его, сегодня густо заселила свои берега. Храм стоит буквально на «пяточке», зажатый со всех сторон. Может быть, поэтому здесь особенно искусно научились использовать каждый квадратный метр. Как-то незаметно, чуть не «сам по себе», рядом с церковным домом появился спортивный зал. Во всяком случае, так задумывалось, но теперь здесь проходят и самые разные мероприятия – концерты, торжества, встречи с интересными людьми. И все вместе теперь это – культурно-просветительский центр Знаменского храма. И все построено на добровольные пожертвования.

Церковные кружки – традиционное название небольших ящичков для пожертвований, – висающие или стоящие под иконами внутри храма, тоже немало откроют внимательному глазу. «На помощь заключенным» – написано на одной из них. За лаконичной, вроде бы бесстрастной информацией – какой огромный пласт человеческого бытия!.. Тут и сокрушение о неверно прожитой жизни, и горькое раскаяние, и призыв о «милости к падшим». А все вместе зовется, правда, несколько казенно – социальное служение, – это целое направление работы храма. Переписка с заключенными, материальная помощь, посылки с книгами и одеждой... Маргарита Борисовна Кривова несет это послушание уже который год.

И вот о чем хочется сказать особо. В Русской Православной Церкви существует единый Богослужебный устав, по

которому отправляются все службы, будь то собор в гигантском городе или церквушка в отдаленной деревушке. На все приходы равно распространяются указания и рекомендации высшей церковной власти. В большинстве приходов тоже есть воскресные школы, спортивные кружки, тоже ухаживают за больными и престарелыми, опекают узников. Практически нет храма, в котором не было бы библиотеки. Спрашивается: что же такого особенного в Знаменском храме, если и в нем – как у всех?

Попробую ответить. Уверен, любезный читатель, что из всех виденных вами православных храмов вы не нашли хотя бы двух похожих друг на друга. Все – одинаково красиво, но при этом абсолютно неповторимо. Хотя, казалось бы: всюду купола, кресты, колокольни. Не берусь объяснить сакральную суть этого явления, но скажу вот о чем. Хотя и службы в храмах отправляются по единому чину, и все прочее происходит по общему для всей Церкви плану, однако жизнь в каждом храме – своя, и так же неповторима, как его архитектура. В чем секрет?

Вспомним русскую поговорку: «Каков поп – таков и приход». Несколько фпривольно, поскольку народное, но очень точно по сути. Ни в коем случае не сравнивая и тем более не противопоставляя Знаменский храм любым другим, ответственно утверждаю, что «виной» всему клир, и в первую очередь его глава, настоятель. Вспомним евангельское – о малой закваске, которая заквашивает все тесто.

Главная особенность ховринского храма в том, что в нем ни на миг не замедляется темп жизни. Ночью там бывать, правда, не приходилось, но не могу представить его погруженным в дремотную тишину. Здесь очень эмоциональные, динамичные, увлекающиеся и увлеченные люди. Если идея, с которой ты приходишь, оказывается по душе, ее мгновенно подхватывают, начинают развивать, предлагают свои варианты. Если сравнить то, каким был храм двадцать два года назад, с тем красавцем, который мы видим сегодня, у неверующего человека

может возникнуть вопрос: надо быть очень рискованными, чтобы решиться на такую гигантскую работу без гроша за душой. Но верующий скажет иначе: так могут поступать люди только очень глубокой веры, ни на миг не сомневающиеся в том, что Господь их не оставит. И кто же в итоге прав?

Священнослужителей в храме немного: помимо настоятеля, протоиерея Георгия Полозова, еще два иерея. Они очень разные, но именно это и создает симфонию – согласие, без которого не может быть мира в душе. Отец Сергей Ванюков здесь недавно. Уравновешенный, можно сказать даже – степенный, обстоятельный, он успел снискать уважение и симпатии паствы. Довольно молод – в 2000 году окончил Православный Свято-Тихоновский богословский институт и сразу же стал в нем преподавать. В этом номере, к слову, опубликована беседа с отцом Сергием на тему номера.

У отца Александра Кузнецова стаж служения в храме намного больше, чем у отца Сергея, потому и очередь на исповедь к нему пока длиннее. Он – батюшка строгий, требовательный, идет к нему порой с опаской, но, как мне кажется, он удачно дополняет собирательный образ клира Знаменского храма.

Здесь также служат два замечательных диакона – Алексей Степанов и Александр Корновян. Первый – диакон, что называется, с молодых ногтей, о себе говорит: «Я – сын попа». У второго диаконский стаж невелик, но зато владыка Марк, рукополагая его, благословил не оставлять своего прежнего дела, а отец Александр – один из лучших стоматологов Москвы.

Впереди у храма много полезных дел. И есть все основания с оптимизмом смотреть в будущее. Точно так же, как с верой и надеждой смотрел в будущее отец Георгий, когда в не столь уж и далеком от нас 1992 году принимал полуразрушенный храм, возвращенный верующим после полувекowego духовного сиротства и запустения. Но это, как говорится, уже совершенно другая история.

К сему: ваш Архивариус

Концерт классической музыки в Культурном центре храма Внутри церковной ограды

Вадим Рутковский

Кандидат в «последние попы»

Из полувека служения у престола сорок три года его жизни прошли при советской власти. Октябрьский переворот, «красный террор», борона репрессий, война, вновь борона репрессий и, наконец, грозное обещание Хрущева «показать по телевизору последнего попа». Павел Васильевич Лепехин был вполне подходящим кандидатом, поскольку прошел все круги советского ада. А вот с «последним попом» вышла незадача: сам Хрущев оказался не у дел, так и не сдержав слова.

Для Русской Православной Церкви XX век стал во многом суровой и беспощадной школой испытания веры, школой молитвы, школой жизни по евангельским заповедям. В годы, когда религиозные убеждения могли стать причиной ареста, ссылки, а то и расстрела, у верующих все равно нельзя было отнять их самый надежный щит – молитву и упование на волю и Промысел Божий. Именно тогда для внимательных читателей Священного Писания особым смыслом наполнялись слова Спасителя: «Истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас...» (Мф. 17: 20). Жизнь протоиерея Павла Лепехина – убедительное тому подтверждение.

Анатолий Борисович Свенцицкий, племянник известного духовника и проповедника протоиерея Валентина Свенцицкого, в своих воспоминаниях «Невидимые нити: Церковь, события, люди» оставил следующую запись: «Храм этот (Николая Чудотворца в Хамовниках. – Прим. авт.) никогда не закрывался, и примечательно, что в нем бесценно настоятельствовал единственный в Москве священник, который никуда не переводился и никогда не был репрессирован¹ –

¹ Автором допущена неточность: протоиерей Павел Лепехин был арестован в 1922 году.

отец Павел Лепехин (1880–1960). Карьерные большие глаза его всегда светились добротой. Это был тихий, застенчивый, интеллигентный батюшка. Прихожане любили его. У него был небольшой тенорок, но служил отец Павел четко и осмысленно, некоторые годы один, без диакона. После войны в храме был создан великолепный партесный хор (регент Василий Алексеевич Александров)...

Паша Лепехин родился в один год с выдающимися русскими литераторами Александром Грином, Андреем Белым, Александром Блоком. Эта эпоха вошла в историю под названием Серебряного века. Страна переживала небывалый расцвет творческих сил. Но Павла это поветрие обошло стороной. Молодой человек вступает на духовное поприще, в какой-то мере следуя за отцом, певчим Синодального хора. Очень хочется найти след «перста указующего» в дне рождения будущего батюшки – праздник Казанской иконы Божией Матери, 4 ноября, но не беру на себя смелость. В 1901 году Павел Васильевич Лепехин оканчивает Московскую духовную семинарию, а через пять лет и Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 23 февраля 1910 года отец Павел стал священником московского храма во имя святителя Николая Чудотворца «у митрополичьих конюшен» в Хамовниках.

Из почти полусотни московских Никольских храмов этот известен и любим как, пожалуй, никакой другой. Построенный в 1682 году, при царе Федоре Алексеевиче Романове, он устоял и перед архитектурой современной Москвы. Три с лишним века, что ни говорите, научат жизнестойкости хоть кого. Глядя на него, так и хочется вернуть примыкающей улице имени Тимура Фрунзе ее прежнее название – Теплый переулочек. И вспоминается, что название района – Хамовники – произо-

шло от слова «хам», то есть «лен»: еще в XVII веке здесь была ткацкая слобода. А разве миновать поспешно нынешний деловой квартал «Красная Роза»? Ведь там прежде была старинная усадьба древнего рода Всеволожских. В общем, жили здесь и аристократы, и купцы, и ткачи-мастеровые – народ основательный, серьезный и набожный. Потому и община у храма была крепкая и сплоченная. Такой ее и принял под свое пастырское окормление в 1912 году отец Павел Лепехин.

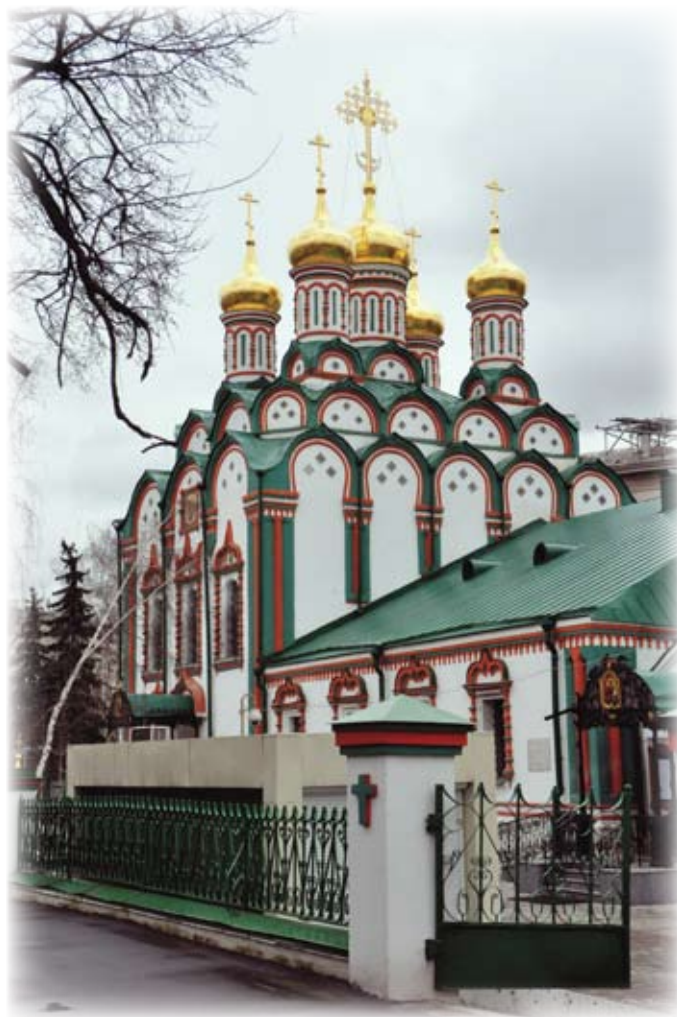

То, что большевикам Русская Православная Церковь была ненавистна, факт известный. Известна и причина этой ненависти – огромный авторитет Церкви, ее влияние на людей, хотя в России того времени вера была уже порядком ослаблена. Но большевики все равно видели в Церкви опасного конкурента и не хотели с этим мириться. Давление шло по всем направлениям. Все, что можно и нельзя, власть использовала для удушения Церкви. И даже такую всенародную беду, как засуху и голод 1921 года. Под удар попали пятнадцать миллионов человек. И тогда власть приказывает в месячный срок «изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, все драгоценные предметы из золота, платины, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина со специальным назначением в фонд Центральной комиссии помощи голодающим».

Как тут возразишь: цель вроде бы благородная. Но все понимали: главное – это ударить по Церкви. Решение правительства, естественно, спровоцировало напряженность в отношениях между миром и клиром. Власть вновь начала репрессии. По обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей» протоиерей Павел Лепехин был арестован в апреле 1922 года. Московский революционный трибунал приговорил его к пяти годам тюрьмы с отбыванием наказания в так называемом Ивановском исправительном доме (по сути, обыкновенном концлагере) – так тогда назывался известный всей Москве Иоанно-Предтеченский женский монастырь, отданный в распоряжение НКВД. Через полтора года батюшка вышел на свободу по амнистии и сразу же вернулся к родному алтарю.

Обычное человеческое воображение с трудом вмещает масштабы разорения Русской Православной Церкви советской властью. За двадцать пять лет «нового порядка» большевики только в Москве уничтожили 551 православную церковь. Причт и прихожане искали приют в дей-

ствующих, а когда беда наступала и их, то шли дальше. Когда в 1930 году был ликвидирован храм иконы Божией Матери «Знамение» в Зубове на Девичьем поле, его священнослужители и прихожане перешли в церковь Живоначальной Троицы на Пречистенке. Но через два года печальная судьба постигла и сам Троицкий храм. И теперь уже все двинулись

Никольский храм в Хамовниках

в Хамовники, под сень святителя Николая. Так и скитались по большевистской Москве десятки и сотни обескровленных православных приходов.

Хамовнический храм оказался в числе семнадцати, где то ли по недосмотру, то ли по какой иной причине по-прежнему совершались службы. Настоятель Павел Лепехин хоть и с осторожностью относился к присоединению других приходов, но вынужденных скитальцев принимал с любовью, для него все были «свои». Так и жили – в тесноте, но не в обиде, мужественно и стойко перенося тяготы и лишения, а их было в избытке. Регулярно проходили богослужения, светло и

радостно отмечали церковные праздники, крестили и отпевали, исповедовали и причащали, утешали прихожан, а многих из них, когда пришел час, благословляли на защиту Отечества.

Жизнь шла своим чередом, и казалось, потрясения миновали Никольский храм в Хамовниках, стоявший по сути, на окраине старой Москвы. Однако власть, хоть почему-то и не закрыла его, не значит, что оставила в покое. В 1930-е годы прорабатывалась идея создания гигантского здания Дворца Советов. На эскизах и чертежах этот архитектурный монстр смахивал на американский небоскреб, к тому же безвкусно и прямолинейно скопированный. Цель проекта была исключительно пропагандистской – с помощью невероятно огромного инженерно-строительного сооружения продемонстрировать мощь и незыблемость первого коммунистического государства, абсолютную истинность его идеологии. Достаточно сказать, что в голове Ленина, чья скульптура должна была венчать здание, предполагалась обсерватория, а указательный палец вождя должен был быть трехметровой длины. Какую погоду напрогнозировала бы всем нам та голова-обсерватория и куда указал бы путь трехметровый перст, думаю, догадаться нетрудно. Здание должно было, что тоже символично, занять место взорванного в 1931 году храма Христа Спасителя. Проект предусматривал, что от Дворца будут проложены в

разные стороны современные широкие магистрали. Одна из них как раз планировалась через территорию Никольской церкви в Хамовниках...

Над храмом нависла реальная угроза. Он был обречен. В противостоянии с беспощадной государственной машиной не было шансов на выживание. Но в Евангелии сказано: «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф. 18: 19). И отец Павел принимает решение: каждый вечер обходить храм крестным хо-

дом с иконой Божией Матери «Споручница грешных».

Вдумайтесь. Представьте. На Москву опускается вечер. Из храма выходит батюшка, неся перед собой образ Пречистой Девы. Следом несколько прихожан. Нередко бывает, что за ним никого нет. Только он, человек, и Она, Пресвятая Богородица, наша Заступница, Покровительница всяя Руси. И так – ежедневно. Ежедневно. Ежемесячно. «Пресвятая Богородица, спаси нас!».

Абзацем выше я написал: «Отец Павел принимает решение...». Решение он действительно принял, но оно не было его изобретением. Настоятель лишь продолжил традицию, как продолжает традицию Священное Предание. Образ, с которым отец Павел совершал крестный ход, и сегодня хранится в храме. Эта святыня – список иконы Божией Матери «Споручница грешных», которая прославилась в 1840-х годах в Николаевском Одрине монастыре Орловской (ныне – Брянской) епархии. Долгие годы она хранилась в старой часовне у монастырских врат. Изображение покрылось пылью и копотью и едва просматривалось, надпись почти не читалась. Но от этого не убывала сила молитвы страждущих, которые на коленях перед этим образом обращались к Пресвятой Богородице. И Она отвечала, даруя людям исцеления.

А вскоре икона пришла в Москву. Пришла списком, подаренным монахами монастыря подполковнику Бонческулу в благодарность за гостеприимство, которое он оказывал инокам, приезжавшим в столицу и оставившимся у него. Всего через год икона явила первое чудо: исцелилась сестра иерея, которому Бонческул рассказал о своей домашней реликвии. Женщина жестоко страдала от болезни спинного мозга. Список принесли к ней в дом, прочитали перед ним акафист, помолились. Спустя время болезнь вначале немного отступила, а потом и вовсе ушла.

В день Светлого Христова Воскресения в 1848 году, вернувшись из храма, Бонческул увидел, что икона сдела-

лась блестящей, от нее стало обильно истекать миро. Помазываясь им, люди исцелялись от различных душевных и телесных недугов. 30 мая 1848 г. Д.Н. Бонческул пожертвовал образ в свой приходской храм святителя Николая Чудотворца в Хамовниках. Вскоре и там начались необыкновенные явления – некое подобие причудливой игры света. Про-

Иоанно-Предтеченский женский монастырь

должилось мироточение. Перед иконой постоянно служились молебны.

В 1848 году в Москве, как и во всей России, была страшная эпидемия холеры. Вся надежда была на помощь Пресвятой Богородицы. И, казалось, неизлечимые, почти полумертвые больные после молитв перед иконой «Споручницы грешных» и помазания маслом из лампады получали исцеление. Вот с этим чудотворным образом настоятель Никольского храма отец Павел Лепехин со своими прихожанами в середине 30-х годов каждый вечер проходил крестным ходом вокруг своей церкви. И Господь, по молитвам Пречистой Своей Матери, спас Никольский храм в

Хамовниках от неизбежного, казалось бы, закрытия и неминуемого разрушения. А безумная идея строительства Дворца Советов, чем-то напоминающего мне печально известную библейскую Вавилонскую башню, так и не осуществилась на практике. И теперь на его предполагаемом месте стоит новый храм Христа Спасителя. В этом мне видится явный Промысел Божий – похоже на то, что крестные ходы протоиерея Павла Лепехина на многие годы вперед расставили все по своим законным местам.

Отец Павел, священнослужитель и прихожане Никольского храма в Хамовниках буквально благоговели перед чудотворным образом Божией Матери «Споручница грешных». Он был предметом их возвышенной гордости, горячей христианской любви, трепетного почитания. В 1947 году Советский Союз посетил митрополит Гор Ливанских Илия Карам. Этот во многом загадочный деятель Вселенского Православия знаменит тем, что был горячим молитвенником о России. Особенно, в годы Великой Отечественной войны. 15 ноября 1947 года владыка Илия посетил храм святителя Николая в Хамовниках, где поклонился чудотворному образу Божией Матери «Споручница грешных». В приветствии Владыке настоятель храма протоиерей Павел Лепехин сказал: «Вы прибыли в старинный город нашей страны, великую и славную Москву, который всегда находился под покровом и защитой Царицы Небесной».

Отец Павел имел полное право говорить так – ведь он как никто другой знал силу помощи Пресвятой Богородицы.

Хорошо известный, многими любимый и глубоко почитаемый московский священник протоиерей Павел Лепехин умер 30 октября 1960 года, не дожив буквально нескольких дней до восьмидесятилетия. Его похоронили на Даниловском кладбище в Москве. В одной с ним ограде погребены Зинаида Михайловна Лепехина, скорее всего супруга, и священник Иоанн Флоринский. Сегодня каждый может прийти на могилу батюшки и почтить его память.

Корабль спасения

Паломник святой горы Афон. У монастыря Иверон

Тема нашего номера формулируется так: как жить верующему человеку в современном мире? Какую выбрать модель поведения? Можно самоизолироваться, замкнуться внутри общины, как делают некоторые «очень православные». Или, напротив, интегрироваться в этот секулярный мир? Возникает масса всяких сложностей, связанных с так называемым гражданским браком, а по существу сожительством, с модной ныне толерантностью, с чувствами верующих и неверующих...

– Первое, что надо сказать: в какое бы время христианин ни жил, для него идеалом всегда остается Евангелие. Им и надо руководствоваться человеку в тех условиях, в которых он существует. Идеал одинаков для всех и всегда.

– **И даже во времена воинствующего атеизма, которые хорошо памятливы всем нам?**

– А в такие времена – особенно. Вспомните Евангелие от Матфея (5: 44). Христос прямо обращается к людям: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Это и есть следовать главному закону жизни – закону любви. Поэтому специальную модель поведения, мне кажется, избирать не нужно.

– **Можно сказать, оперируя современными понятиями: модель поведения христианина – это исполнение закона любви?**

– Думаю, здесь этот термин уместен. Надо стараться соотносить не только все свои действия, но и мысли, и желания со словом Божиим. И тогда человек, оказавшись в любой ситуации, находясь в обстоятельствах, его предшественникам прежде неизвестных, то есть без соответствующего опыта, непременно поступит согласно воле Божией, а не вопреки ей.

– **Но это так трудно! Особенно в отношении врагов.**

– А кто вообще сказал, что праведно жить – легко? Все только что сказанное можно отнести скорее к теоретической части. Если же гово-

рять о практике, или просто о жизни, то надо стараться, чтобы жизнь была максимально укоренена в Церкви. Чтобы жизнь человека происходила внутри нее. Тогда человек защищен от влияний, которые существуют вне церковного корабля, у него есть возможность, находясь на этом корабле, прийти в гавань спасения. Если человек находится в Церкви, то он действительно гарантированно избегает очень многих серьезных соблазнов. Что касается тех явлений современной жизни, которые вы перечислили и которые, к сожалению, стали нормой в мире расцерковленном, в мире безбожном, то к ним надо относиться прежде всего исходя опять-таки из Божественного Откровения. И соотнося с этим образцом свои поступки и реалии окружающего мира, человек может делать правильный выбор и в духовной сфере, и в сфере бытийной.

– **А как соотносятся нормы жизни и практика жизни? Больше сейчас разрыв между ними или остается в принципе тем же, только принимает иные формы?**

– Человек, как и весь мир, страдает от последствий грехопадения, которые глубоко проникли в человеческую природу. Жизнь без Бога мучительна для души. Это удаление от Бога, мне кажется, у современного человека намного больше, чем у наших предшественников, потому что имя Божие, понятие о Нем постепенно вытесняются из сознания людей, из общественной жизни. Человек привыкает жить автономно от Бога. Следствием такого существования становится укоренение в грехе и восприятие его в современном обществе как нормы. Но Церковь не перестает говорить, что достичь спасения человек может, только следуя заповедям Божиим и приобщаясь благодатной жизни в церковных Таинствах.

– **Возможно, я скажу нечто неканоническое, но вопрос возникает не только у меня и довольно часто. Вспоминаю слова Серафима Саровского, что человек – существо подпорченное, и конечно же соглашаясь с ними, невольно задумываешься: почему Господь, отпуская человека в плавание по морю житейскому, не снабдил его большим запасом прочности, чтобы он смог противостоять первому же искушению?**

– Человек был создан свободным. И этот дар свободы придает особую ценность тому выбору, который делает человек. Господь по Своей любви предоставил людям возможность самим решать, жить ли им с Богом или обречь себя на существование в отдалении от своего Создателя. Без этой способности выбора между добром и злом человек перестал бы быть человеком.

– **Если бы можно было заглянуть в хартии, которые люди пишут перед тем, как идти на исповедь, и писали прежде...**

– Не думаю, что список грехов современного христианина принципиально отличался бы от покаяния его единоверца, жившего, скажем, два или три века назад. Мера или степень греховности – это, прежде всего, мера или степень отдаления человека от Бога. А такое может происходить в любом столетии. Однако следует признать, что апостасийные реалии все жестче проникают в отношения между людьми, в жизнь общества в целом. Многие вещи, которые двадцать или тридцать

лет назад были немыслимы в принципе, сейчас возводятся чуть ли не в норму. Конечно, это – свидетельство того, что мы приближаемся к тем временам, о которых говорится в последней книге Священного Писания – Апокалипсисе апостола Иоанна Богослова. В такие времена надо, конечно, иметь особое мужество быть христианином. Человек, живущий в вере, людям неверующим представляется безумцем. Исповедание веры, то есть несение креста, выглядит в глазах секулярного мира чуть ли не юродством. Впрочем, почему «чуть ли»? Так оно и есть. Это, безусловно, тяжелое испытание. Но если человек ориентируется на Евангелие, то Господь ему помогает и укрепляет его, помогает ему преодолеть искушения современного мира.

– **Вы говорили о Церкви как о корабле. О том, что человек должен находиться на нем. Что вы имели в виду?**

– У многих писателей и проповедников встречается такой яркий образ Церкви. Она представляется неким кораблем, находясь на котором, можно с легкостью избежать волн житейского моря и достичь тихой пристани спасения. Наше присутствие в Церкви, прежде всего, выражается в том, насколько глубоко человек укоренен в церковной жизни, насколько регулярно он приступает к церковным Таинствам. Веры в душе недостаточно, чтобы обрести спасение. Человек может достичь его, только живя в Церкви, а это возможно лишь в Таинствах церковных, первое из которых – Таинство Крещения, дающее человеку духовное рождение и вводящее его в церковную жизнь. В Таинстве Покаяния, в котором христианин получает возможность очиститься от грехов, а также в приобщении Святых Христовых Таин на Божественной Евхаристии человек обретает опыт подлинной жизни во Христе, жизни с Богом. Иными словами, он находится на спасительном церковном корабле в том случае, если жизнь Церкви для него не что-то внешнее, если она наполняет его жизнь и преобразует ее.

– **Верно ли такое наблюдение? Оно основано не только на моем личном опыте, не знаю, пришлось ли вам это тоже испытать. После того, как я пришел к вере, а я, как**

вы понимаете, не родился в ней, то есть типичный советский человек...

– То есть ваш приход к вере был осознанным.

– **Я бы сказал, что находился к тому времени в возрасте, который предполагает осознанные поступки. Все же произошло каким-то необъяснимым для меня образом, как будто повернули рубильник – и я включился в сеть... А наблюдение, о котором я начал говорить, складывалось по мере того, как я стал пропускать через себя энергию христианского учения. Иными словами, по мере моего движения по пути веры я стал отдаляться от тех людей, которые меня окружали раньше. Даже от очень близких, очень добрых знакомых моих. Мне просто становилось с ними не очень интересно. Лично вам пришлось через такое пройти?**

– Я думаю, что любой человек, который осознанно принимает Христа, пытается войти в то малое стадо, о котором говорит Евангелие (Лк. 12: 32). Господь подчеркивает, что это действительно серьезный внутренний выбор. И естественно, что при вхождении в Церковь возникают интересы, которые уже не находят отклика у прежних знакомых, друзей. Им неинтересен этот мир. Поэтому неизбежна переоценка прежних представлений и дружеских связей. Все это – нормальный процесс, сопровождающий такой сложный путь, как вхождение в Церковь. Становясь членом Церкви Христовой, человек обретает полноту общения с Богом, чего никак нельзя получить только «имея Бога в душе». Входя в Церковь, человек принимает решение, о котором ярко говорит евангельская притча о сокровище, скрытом на поле (Мф. 13: 44): «Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то». Разумеется, надо по-прежнему относиться к своим знакомым с терпением и любовью, поддерживать дружеские связи, надо проявлять повышенную чуткость именно к неверующим или слабо укрепленным в вере. Следует всегда помнить, что вы отныне носите имя христианина, а это к очень многому обязывает. И прежде всего к тому, чтобы не запятнать имя

Спасителя своими грехами, не бросить тень на веру Христову собственным нерадением к спасению своей души.

– **Я не могу похвалиться обилием примеров подобного рода. У меня есть всего один.**

– Каждый такой пример – на вес золота.

– **Это мой давний товарищ, коллега. Мы работали в родственных газетах еще на Сахалине. Несколько лет я давал ему читать «Лампаду». И он стал постепенно погружаться в мир веры. И в итоге крестился. Для меня это была огромная радость.**

– Можно считать, что ваше издание уже оправдало свое существование и ваши старания. Вспомните, как говорит Христос в Евангелии от Луки (17: 7): «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Это, по сути, о том же – о ценности для Спасителя каждого человека.

– **К сожалению, люди пекутся о своем спасении куда меньше, чем делает это для них Господь. Как вы думаете: почему?**

– Вероятно, потому, что спасение требует усилий, причем не разовых, а постоянных. Ведь невозможно жить по-христиански, скажем, только по выходным или только тогда, когда ты находишься в храме. Это – профанация. А без подлинно христианской жизни нет и подлинного спасения. Достижение спасения неразрывно связано для человека с самоограничением, с понуждением себя. Это – тяжелый путь восхождения. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11: 12).

– **Ну а разве нельзя спасаться, не ограничивая своих желаний?**

– Человеческая природа вследствие грехопадения серьезно повредилась, поэтому следование своим желаниям, которые не согласуются с волей Божией, ведет человека к духовной гибели, к смерти. Апостол Павел отмечает: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7: 19). Достижение спасения для человека возможно лишь через добровольное подчинение собственной воле воле Божией. Когда человек в этой жиз-

ни не ищет своего, а стремится к исполнению заповедей, он обретает подлинную свободу – свободу не грешить. Грех уже не имеет над ним власти.

– **И все же, мне кажется, в любом, даже очень далеком от веры, живет неосознанное стремление к устройству своей души. Мне приходится очень много общаться со светским, неверующим народом. Среди моих коллег таких, к сожалению, большинство. Но что интересно. Стоит появиться в какой-нибудь компании, а я своей религиозности не скрываю, разговор так или иначе заходит о Боге, о вере, о Церкви. Как будто верующий человек – это какой-то бродильник, фермент, от которого рождается движение. Как они говорят – это вопрос другой, но – говорят. Может быть, это тоска о потерянном Боге? Возможно, вам такое не очень знакомо, потому что вы все же глубоко интегрированы в церковную среду.**

– Отчего же? Мне тоже приходилось встречаться с подобным. От мира не укрыться. Интерес к вере, к религиозной жизни высоко развит и у людей, которые пока еще далеки от церковной ограды, и у тех, кто на пути к ней, и у тех, кто уже находится внутри. Это интерес, я бы сказал, всеобщий. Но подлинно удовлетворить его возможно только внутри Церкви. Обожение вне Церкви для человека недостижимо. Многие проходят тяжелый, мучительный путь, прежде чем обрести Бога. Пример с вашим товарищем еще раз это подтверждает. Ведь под тяжелым и мучительным путем не нужно понимать только физические страдания или житейские передрыги. Ваш товарищ уже не молод, так? Стало быть, он прожил без Бога не один десяток лет. Разве это не мучительно тяжело? Представьте, что творилось с его душой все эти годы, как она металась и искала Господа...

– **В аналогичном положении были миллионы.**

– Но не все смогли из него выйти. Вот что трагично.

– **А как вести себя с людьми, которые еще находятся в этом состоянии? Подсказывать им? Подталкивать? Заниматься своего рода прозелитизмом?**

– Есть такое понятие – проповедь. Оно очень емкое. Мы привыкли преимущественно однозначно толковать его: вышел батюшка на амвон или встал богослов за кафедру. В действительности же проповедь – это не только и даже не столько слова. Можно много говорить о Христе, о Боге, много рассказывать о Церкви, но если внимающий не видит в вас пример преобразования вашей жизни, не видит, образно говоря, Бога в вашей жизни, тогда все произнесенные вами слова не более чем сотрясение воздуха.

– **Медь звенящая и кимвал звучащий.**

– Совершенно верно. Образ жизни самого человека – это высшая форма проповеди христианства. Прозелитизм не имеет к этому отношения, поскольку предполагает целенаправленное, настойчивое, порой даже насильственное обращение в веру. Та проповедь, о которой говорит апостол Иаков – вера без дел мертва, – это проповедь-пример. Христианин должен являть присутствие Бога в душе всей своей жизнью. Только в таком случае другие люди в это поверят. Если бы в христианстве присутствовали только правильные, красивые слова, но не было бы живых примеров, не появилось бы в истории Церкви такого количества мучеников, которые отдали за Христа самое дорогое – жизнь. Они и есть лучший ориентир для проповедника, для человека, который сталкивается с внешним миром и который часто находится на передовой. Так что нужно помнить: лучшая проповедь – это жизнь христианская. Если человек живет по заповедям, то к такому человеку люди тянутся и его слово они ценят гораздо больше, чем слова тех, у кого эти слова не подкреплены конкретными поступками и делами.

– **Вы говорили, отец Сергей, об одной стороне христианской жизни – какой она должна быть. Но есть и другая – какой ее видят. Очень часто приходится слышать такие разговоры: «А вот у вас в церкви... а вот ваши иерархи...». Понятно, да? Непросто на эту тему разговаривать с неверующими людьми. Некоторым аргументам они не то что не хотят вникать – они их не понимают. Имеются в виду некоторые негативные явления в Церкви. Лично я, например, вижу причину не в том, что цер-**

ковные люди стали, мол, хуже. Все вообще какими были, такие и есть. Острее стала борьба между Богом и дьяволом. И вот эти темные силы стараются вытащить на свет все, что только может бросить малейшую тень на Церковь.

– Духовная брань, как называют борьбу с темными силами, идет постоянно. В Таинстве Крещения есть обряд отречения крещаемого от сатаны. И он сопровождается даже физическим действием, выражающим презрение. Священник говорит крещаемому: «Дунь и плюнь на него», и тот выполняет это требование. Человек объявляет дьяволу войну. К сожалению, люди не всегда оказываются победителями в этой духовной борьбе. Они падают, совершают грехи, получают духовные травмы. Не случайно в молитвах, сопровождающих Таинство Исповеди, Церковь именуется врачевницей. Если всегда помнить, что Церковь относится к грешнику как к больному, то тогда мы правильнее будем воспринимать те явления, о которых вы говорили. Церковь состоит из людей, которые считают себя не здоровыми, а наоборот – больными... Именно так говорил Христос: «Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные». И чтобы люди поняли, что он имеет в виду прежде всего не физические болезни, а духовные, там же, в Евангелии от Марка (2: 17), разъясняет: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». Люди в Церкви борются с духовными недугами, пытаются их превозмочь, молятся, просят Господа, чтобы он помог им в этой борьбе. А борьба, действительно, тяжелая и опасная по своим последствиям. Тем более актуальной для всех нас становится молитва друг за друга, когда священники молятся о пастве, а духовные чада – за своих пастырей, и эта взаимная молитва укрепляет Церковь.

– Наверное, чтобы правильно это воспринимать, нужно либо отрешиться от предвзятого взгляда на Церковь и на священство, а им грешат, увы, многие, либо не конструировать собственную умозрительную модель Церкви и ее наполнение, чтобы не ожесточаться, если реальность оказывается иной.

– От последнего, кстати, предупредил Господь еще в Ветхом Завете: не

сотвори себе кумира. Церковь – это богочеловеческий организм, и его человеческой части присуще все то, что вообще присуще людям. И если мы с вами обращаемся к врачу, точно так же нам необходимо обращаться и к Богу, через Церковь. Правда, это не значит, что мы сразу, автоматически, в тот же момент становимся здоровыми. Любое лечение требует времени, а лечение души – в особенности.

– Хорошо, если хватит терпения и ума это понять. Человек так любит, чтобы все и сразу!

– Да, у нас есть такая слабость. И тут, как мне кажется, есть один очень важный момент. Мы знаем, что осуждение – один из тяжких грехов. Когда на нашу долю выпадают какие-либо испытания, а в современном мире это сплошь и рядом, мы обращаемся к Господу. Но с какими словами? Чаще всего – «За что?!». И мы уже в объятиях этого греха. Потому что в глубине души считали искушение незаслуженным. То есть мы не виноваты. Значит, виноват кто-то другой. Вот мы и свершили суд, который позволителен только Богу. Но если бы мы спросили Господа: «Для чего?», то есть, для какого вразумления Ты послал мне это испытание? – мы бы проявили свою христианскую зрелость и показали свою способность исправиться. И дело тут не в замене одних слов другими. Обращение к Господу должно идти из глубины сердца «сокрушенно и смиренно», как говорит псалмопевец, то есть быть искренне покаянным.

– Наверное, нелишне помнить и о том, что, осуждая, пусть вроде бы «за дело» и из «благих побуждений», мы отдаляемся от Бога и от Церкви, то есть причиняем себе же вред.

– Грех осуждения отдаляет от Бога, потому что человек осуждающий превозносится над тем, в ком он видит тот или иной недостаток. А это результат оскудения любви. Себя этот человек видит выше согрешающего, лучше него. Господь очень часто попускает осудившему впасть в тот же грех, в каком он осудил своего ближнего. Эту опасность осуждения мы должны постоянно помнить. Нельзя осуждать грешника, который, согрешив, и так наказал себя. Следует осудить грех.

– И, пожалуй, последнее, отец Сергей. Мы говорим о христианском по-

ведении, о том, как вести себя верующему человеку в современном мире. И вот – живая ситуация. У меня есть подопечный. Вырос на моих глазах, стал отцом чудесных сыновей. Он – верующий человек, воцерковляющийся. Очень сердечно, горячо относится к Православию. Женился – и не к радости. Она – человек с очень сложным характером, но главное – активно не приемлет нашу веру. Он пытается ее наставить на путь, старшего, как может, приобщает к вере (младший еще грудничок). Но каждая попытка пойти с ним в церковь вызывает ярость. И самому, стоит только перекрестить лоб, достается полной мерой. Возникает вопрос. Когда он ведет себя дома по-христиански? Когда не скрывает веры – молится вслух, соблюдает посты и т. д., пусть даже провоцируя этим скандалы, или делает все или почти все то же самое, но незаметно, не привлекая внимания, зато обстановка спокойнее?

– Закончу тем, с чего начал. Христианская жизнь основана на главной заповеди – заповеди любви к Богу и ближнему. К этому добавить просто нечего. Мне кажется, человек должен постараться сохранить брак, сохранить мир в семье, но и жить, разумеется, по заповедям, это и есть жизнь по Христу. И если пока кто-то не готов прийти в Церковь, надо уважать этот выбор и не принуждать. Трудно? А что вообще легко? Что, кроме греха?

– Мне кажется, этот случай, если его экстраполировать на предмет нашего разговора в целом, можно назвать модельным – отвечающим на вопрос темы номера: как жить верующему человеку в современном мире?

– Готов согласиться. Помогите вам Господь.

СКРЕПЫ

Надо любить всякого человека, видя в нем образ Божий, несмотря на его пороки.

*Преподобный
Никон Оптинский*

...Дабы не прельстился ни один из малых сих

Журнал «Лампада» – в одной из московских православных школ. Разговор с директором Сергеем Михайловичем Мамаев о самой острой из сегодняшних проблем – о верующих детях и о том, как их подготовить к жизни в современном мире.

– Как верующему человеку жить в современном мире? Мне показалось, что резонно поговорить на эту тему именно с вами. Надо полагать, вы знаете не только, что его подстерегает, но и как с этим быть.

– Вопрос я бы назвал глобальным. Мы занимаемся все-таки менее масштабными делами.

– Я имею в виду не масштаб, а существо, причем конкретное.

– Когда рухнул Советский Союз, в школах исчезло и слово «воспитание». Стали заниматься исключительно проблемами образования. Ставилась задача научить ребенка определенным навыкам и умениям. Воспитывать ребенка, решило министерство образования, – задача семьи. Между тем школа, особенно российская, не мыслила своего существования без воспитания. Не случайно же и главный руководящий орган назывался министерством просвещения, а не образования.

– Можно сказать, что ставилась задача не набивать ребенка одними только знаниями, как школьный рюкзак, но всесторонне осветлять его?

– Именно так. Просветить – значит научить человека видеть все темные стороны своей личности и показать ему путь движения на всю оставшуюся жизнь. Иными словами – путь спасения. Вот мы и стали с 1991 года заниматься просвещением. В этом ничего нового не было. Мы пытались сохранить старую систему образования, это один компонент, а второй, воспитательный, – научить детей поклоняться не Ленину, а Богу. Только и всего.

И как показывает жизнь, ребенку после православной школы жить намного проще в этом современном безумном мире.

– Не труднее?

– Нет! Именно проще. Потому что за годы пребывания в школе он получает навык и опыт борьбы с самим собой, со своими немощами, страстями, греховными наклонностями, приобретает умение видеть основной смысл событий, происходящих вокруг. Не скажу ничего нового: жизнь – это бесконечная борьба.

– Только одни считают, что это борьба с окружающими, а другие – что с самим собой.

– Эти «другие» и есть, в частности, выпускники нашей православной школы. Мы учим их делать правильный выбор, поскольку человеку приходится сталкиваться с этим постоянно. Кто, скажем, был в Киеве на Майдане? В основном, те, кто выросли за последние двадцать лет. Они были воспитаны определенным образом, во многом лишены правдивой истории, подлинной культуры.

– Подлинная культура в основе своей всегда религиозна. То, что ваша школа искусств – православная, подтверждает эту связь?

– В 2007 году мы были в паломнической поездке в Санкт-Петербурге. И я с приятным удивлением узнал, что наш последний император собирался открыть в Федоровском городке православную школу искусств. Видите, даже название совпало с нашим – насколько эта идея верна. В современном мире острота борьбы между Западом и Востоком особенно ярко

видна в сфере культуры и искусства. Запад побеждает нас с помощью Голливуда, информационных технологий. От того, в какой культурной и информационной среде вырастает ребенок, будет зависеть не только его судьба, но судьба общества в целом. Если ребенок воспитан на лучших образцах – музыка, живопись, храмовая культура, культура общения, если хотите – культура веры, это – прививка от любой духовной заразы. Никакое мутное веяние, с Запада ли, с Востока, не сломает ребенка, он будет устойчив к нему. Вот, по сути, наша позиция.

– Насколько я понял, вы не отказываетесь от мировой культуры, но при этом школа называется православной. Присутствует некий акцент.

– А как же без него? Россия – исторически православная страна, сколько поколений выросло в этой традиции. Разве мы вправе игнорировать этот факт?

– А как быть с так называемыми общечеловеческими ценностями, которыми очень дорожит либеральный мир? Укладываются ли они в православное русло вашей школы?

– Не более, чем эти самые ценности в принципе укладываются в русло христианской этики и морали.

– А если нет?

– Помните, как в Евангелии от Матфея (5: 37)? «А что сверх этого, то от лукавого». К нашему случаю подходит идеально.

– Эта мысль мне близка. Общечеловеческие ценности, как мне представляется, – это то, что люди придумали для облегчения своей жизни. Своего рода дополнение к тем ценностям, которые были изначально даны и заповеданы Богом.

– И которые, надо заметить, никогда в дополнениях не нуждались. Мы твердо стоим на этой позиции. У Ивана Ильина есть замечательное высказывание. Еще в тридцатые годы он говорил, что после падения большевистского режима Россия начнет духовно возрождаться. И первым показателем будет рост числа православных школ. Заметьте: не храмов, а именно школ.

– О возрождении, если можно, поговорим чуть позже. Вы-то как оказались на этом поприще?

– Меня выставили из государственной школы №627 за религиозную пропаганду.

– И как же вы там растлевали детские души?

– Я рассказывал ученикам об истории церкви, администрации это не по-

нравилось, школа-то была при Гостеле- радио...

– **Прямо в лучших традициях «Красного безбожника».**

– Я уволился и решил создать православную школу. Собралось несколько учителей-единомышленников, некоторые родители идею поддержали... Сначала было всего семнадцать учеников...

– **А сегодня?**

– Сто шестьдесят детей, тридцать два преподавателя, все классы. Правда, пока по одному.

– **А какой документ они получают?**

– Аттестат государственного образца.

– **Не знаете, как сложилось у ваших выпускников? Куда пошли их дороги?**

– Конечно, знаю. Мы даем художественное образование, хотя не ставим задачу сделать всех живописцами. Примерно процентов двадцать все же выбирают этот путь – профильные вузы, Свято-Тихоновский университет, учатся иконописи в Лавре. Остальные – обычные абитуриенты. Должен сказать, что уровень подготовки наших детей заметно выше среднесекularского. Например, в прошлом году из шестнадцати выпускников двое окончили с золотой медалью, у остальных ЕГЭ по русскому языку был восемьдесят пять из ста. И еще показатель: четверо из каждых пяти поступают на бюджетное отделение.

– **Как вы думаете, почему у вас такой высокий уровень подготовки? Вроде и дети самые обычные, и учителя...**

– Три четверти наших педагогов пришли с опытом работы в государственных школах, то есть хорошие профессионалы. Ну и, само собой, это православные люди, что уже по определению предполагает соответствующее поведение, отношение к делу и – самое главное – отношение к детям.

– **А в чем оно, это отношение?**

– Прежде всего это христианское отношение, то есть забота не просто обо всех, но особенно о тех, кто нуждается в помощи. Это – внимание и к тем, чьи интересы выходят за рамки школьной программы. А есть такие, у кого хорошо получается одно и слабо – другое. У них нужно направленно развить сильную сторону, чтобы не возникал комплекс неполноценности. Многие дети занимаются музыкой, поют в церковных хорах, увлекаются хореографией... Каждый получает какой-то стимул, чтобы успешно развиваться. Я бы назвал это полифоническим подходом к ребенку.

– **Так ведь и мир полифоничен.**

– Именно поэтому мы придерживаемся традиции советской массовой школы,

когда любой ребенок может получить образование независимо от того, в каком состоянии он к нам приходит.

– **Насколько я понял, модный ныне алгоритм жизни «Это твои проблемы» вам не присущ.**

– Ни в коем случае! Это – наши проблемы. Разумеется, и у нас не все благоустоитно. С некоторыми мы просто не справляемся, а каких-то и не берем.

– **Есть и такое?!**

– Увы, да. Но – единицы.

– **Наверное, потому, что в массе своей дети приходят из благополучных семей?**

– Вы имеете в виду: из православных? Конечно, это имеет значение, но не решающее. У нас – как и в Церкви. Многие приходят, уже изрядно набив себе шишек. То есть надломленными, с какими-то несчастиями. Но ведь и дети несут в себе этот тяжкий груз. К сожалению, немало семей неполных, причем за последние пять лет их стало больше. Отцы куда-то подевались, словно идет война. Православие – еще не гарантия благополучия.

– **К сожалению. А неверующие семьи есть?**

– Не много. И не в чистом виде: например, бабушка и внук, но безверные родители не возражают, чтобы ребенок ходил в храм, однако со временем перетягивают его на свою сторону. Идеальная модель: семья – церковь – школа. Это почти всегда гарантия нравственного возрастания. Бывает, что и дети, воспитанные такой троицей, подрастая, отходят от Церкви, но потом они все равно возвращаются в храм. Сегодня такая модель встречается все реже...

– **Можно сказать, что эта тенденция – своего рода печать времени, нашего мира?**

– Пожалуй. Дети десять лет назад и дети сегодня очень отличаются. Информационные технологии сыграли ведущую роль. Природные детские качества – любопытство и эгоизм. Ребенок всегда лезет туда, где пахнет запретом. А теперь у них в руках универсальный ключ – Интернет. Противостоять этому все сложнее. Хорошая семья, умная школа и интересная жизнь в храме могут стать той силой, которая отвлечет ребенка от соблазнов мира, но необходимо сложение именно всех трех условий, а это очень не просто. И тем не менее, дети чаще всего сами понимают, что зло, с которым они встречаются в виртуальной реальности, в действительности очень опасно, заразительно, может утянуть и погубить. Детей, которые сломя голову бросаются в этот омут, у нас нет.

Они ощущают, что это грех. Мы видим, как они борются с соблазнами мира сего. Как мне кажется, зло пока не торжествует в их сердцах.

– **Скептик сказал бы: школа подготовки ангелов.**

– Я бы ему ответил: ангелов готовят люди из самих себя. Своей земной жизнью. Мы ставим задачу скромнее: хоть чуть-чуть научить противостоять злу окружающего мира. Надеюсь, что-то удастся. Сегодня в массовой школе нецензурная лексика – это разговорный язык молодежи. Но проведите у нас хотя бы день, побывайте на переменах... И сравните.

– **Что здесь срывает – самознание ребенка или система запретов, наказаний?**

– Ребенок из православной школы, живущий полноценной церковной жизнью, пребывает в духовной чистоте. Его душа не замутнена. И, сталкиваясь с житейской грязью, она неизбежно начинает ее отвергать. Но сама детская душа справиться не в силах. И тут рядом мы, школа. Наш принцип – не наказывать, а отогревать детскую душу, если она немного замерзла. А чем можно отогреть? Только любовью. Вот, собственно, вся формула.

– **И ее, естественно, исповедует весь коллектив.**

– А как иначе?! Коллектив у нас очень сплоченный. Мы все – действительно одна дружная и крепкая семья. И фигурально, и в прямом смысле. Как в Церкви, где настоятель – батюшка, отец. Паства – его дети. Здесь я директор, моя жена – завуч. Мы сами – многодетная семья. И где наши кровные дети, а где ученики – право, не разобрать.

– **Подшел духовник школы, перерыв отец Сергей, включился в разговор:**

– Как жить верующему человеку в современном мире? В принципе, так же, как, скажем, во времена апостола Павла. Ведь это он призывал: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4: 16). А подражать Христу – это значит любить людей. Для нас не может быть равнодушного отношения к человеку. Если мы считаем себя верующими, мы не можем не чувствовать живую ответственность за человека. «Друг друга тяготы носите», – сказал Христос. Как это понимать? Если мне дорог человек, а он совершает какие-то недостойные поступки, мне стыдно за него, больно. Правда Божия как раз в том, когда невинный страдает за виновного. И разве сама жизнь Иисуса Христа не доказывает это? Если относиться к людям с высоким чувством ответственности, виновности, сопричастности к жизни другого человека, – вот она, живая вера.

– Хорошо, есть практика жизни, есть верующий человек, есть окружающий его секулярный мир... Человек интегрирован в этот мир. Как ему взаимодействовать с окружением? Можно отдалиться, сказать: я не знаю вас. У меня есть мой дом, моя вера, мои люди... Не путь ли это в секту? С другой стороны, взаимодействие с этим миром может привести к своеобразному «конфликту интересов» – божественных установлений с правилами жизни в миру. Как быть?

– Это очень серьезный вопрос – как защитить себя от духовной эрозии, от агрессивного давления реальности, но при этом не отгородиться от мира и любить всех, желая всем спасения? Для этого, прежде всего, должна быть соответствующая атмосфера.

– Соответствующая – это как?

– Атмосфера взаимного доверия. Между учителями и детьми. Между учителями и родителями. Само собой, между родителями и детьми. Именно доверия больше всего недостает в современном мире, в нем люди нуждаются больше всего, и это не восполнить никакими заменителями.

– Не случайно доверие и вера – слова одного корня. Уходит вера – уходит и доверие.

– Мы стараемся эту беду преодолевать. В нашей школе атмосфера доверия так же естественна, как в природной атмосфере естествен кислород. Радует общение с ребятами старших классов – насколько они открыты друг другу, насколько доверяют преподавателям.

– А как, интересно, они ведут себя за порогом школы?

– Не знаю. Но интуиция, священнический опыт подсказывают: это – хорошие ребята. Уже на первых исповедях я понял, насколько они целомудренны, а в этом невозможно слухавить. Они же сами все говорят, по своей воле. От того, как взрослые юноши и девушки ставят перед тобой иные острые вопросы, ты видишь, какая у них душа. Видишь их эмоциональную реакцию, как они реагируют на ответы. И спокоен за них. Понимаешь, что с ними можно обсуждать любые пограничные между добром и злом проблемы.

– Ну, например?

– Первая влюбленность. Что допустимо, что недопустимо. Как отличить подлинное чувство от влечения, которое может быть вызвано всего лишь взрослением организма?

– А родители, – это уже вопрос к Сергею Михайловичу, – тоже вовлечены в орбиту вашего внимания?

– Мы все – на одной, семейной орбите. Этот прекрасный дом раньше был офисным центром. На собрании родителей говорить долго не пришлось. В работу включились и взрослые, и дети, кто-то помог деньгами, кто-то – материалами, мебелью. Например, в этом кабинете лично моего нет ничего – все принесли. Уложились в пять месяцев. Такой способ жизни – это ведь тоже школа подготовки для обитания в миру!

– А теперь, если позволите, вернемся к Ильину. Он говорил: признак духовного возрождения России – рост числа православных школ. И чем же мы можем здесь похвалиться?

– К сожалению, практически ничем. На всю Россию если сотня школ наберется, это хорошо. Причем все они очень маленькие.

– Но хотя бы понимание этой необходимости есть?

– Лично я об этом ничего не знаю. И примеров не вижу. События последнего времени, кажется, открыли глаза: наш путь – это никакая не интеграция в Запад, это не самозабвенное слияние с Америкой. Наш путь – опора на собственные силы, надежда на свой народ, это сохранение и развитие наших традиций – религиозных, культурных, этнических и так далее. И прежде всего – в образовании. Нельзя потерять еще одно поколение, как это произошло на Украине. Церковь должна прийти к пониманию того, что необходимо возрождать православное образование. До революции в стране было около сорока тысяч церковно-приходских школ. Сегодня в Москве из стен православных школ выходит в год около полутора сотен молодых людей. О каком духовном возрождении общества можно говорить?

– В чем все-таки корень проблемы? В ментальности тех, от кого зависит ее решение? Или больше организационный аспект?

– Как всегда, и то, и другое. Но больше все-таки, мне кажется, это недопонимание важности вопроса. А из него уже вытекает организационный аспект. Беда в том, что все православные школы зачислены в разряд негосударственных образовательных учреждений. Мы не более чем частные школы, которые и Церковь юридически не приняла в свое лоно. В Уставе Русской Православной Церкви православные школы, гимназии и лицеи даже не упоминаются. Так что мы живем в рамках ленинского декрета 1918 года – школа отделена от Церкви, а Церковь – от государства. Таким образом, мы и не государственные, и не церковные, а какие-

то частные, маргинальные структуры. Но не может такое важное дело зависеть только от чьей-то личной инициативы! И висит эта школа, как правило, на одном, в крайнем случае на двух энтузиастах, а это в корне неверно.

– Не могу взять в толк: вы существуете по принципу ЖКХ – Живите Как Хотите. Но почему?! Ведь вы, насколько я понимаю, – обычная, светская школа, которая дает детям среднее образование.

– Совершенно верно.

– А табличка у входа – Московская Патриархия – это номинально?

– Отдел образования дает нам конфессиональное представление, что мы – православная школа.

– Это кого-то к чему-то обязывает?

– Никого и ни к чему. Родители поначалу думают, что за нами стоят вся мощь Государства Российского и вся мощь Русской Православной Церкви. Над нами только Господь Бог.

– Но за спиной все же Ангел хранитель.

– Это как водится. За годы, что мы существуем, я объездил всех старцев, о каких только знал, и просил одного – благословения поменять работу. Устал тянуть в одиночку воз, который почти не едет.

– Поскольку мы сидим с вами в директорском кабинете, я понимаю, старцы не пошли вам навстречу.

– Да, благословения я не получил.

– Зато теперь вы в таком прекрасном здании!

– А это уже попечением владыки Марка, за что мы ему очень благодарны. Он – один из немногих архиереев, кого так заботят детские дела. Если бы такое же отношение к нуждам школ было в архиерейском корпусе в целом, главная проблема, возможно, и была бы решена.

– А главная – это государственная и церковная поддержка.

– Да. Причем многие просто не знают истинного положения со школьным православным образованием. Во многих епархиях, где пока нет таких школ, хотят их создавать. Но тоже собираются идти нашим путем – снизу, от частной инициативы, от конкретного человека. Человек – это, конечно, важно. Но решать вопрос надо именно сверху, совместно государством и Церковью. Секулярный мир не ждет. Он безостановочно забирает в свои лапы детские души.

– Будем уповать на Бога?

– Главное, чтобы мы Его не подвели.

Беседовал Павел Демидов

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Эльвира (Елена) Александровна Гордеева,</i> корреспондент православного телеканала «Союз»</p>	<p><i>Сергий,</i> пенсионер</p>	<p><i>Лариса,</i> 37 лет, арт-директор художественного салона</p>
			
<p>Изменилось ли ваше самоощущение как православного человека после воцерковления?</p>	<p>Жизнь поменяла свой вектор. Какие-то вещи, которые раньше не замечались и были не важны – духовность, нравственность, вечные ценности, о которых мы не задумываемся, вышли на первый план.</p>	<p>Конечно. Значительно изменилась.</p>	<p>Да, оно стало более глубоким, честно могу сказать.</p>
<p>Заметили ли вы перемену в вашем отношении к окружающему миру после того, как пришли к вере?</p>	<p>Перемена произошла: стала более терпимой, менее раздражительной, с большим пониманием отношусь к каким-то слабостям человека. Появилось желание помочь, быть нужной, кому-то полезной.</p>	<p>С детства был воцерковлен, но потом отдалился от Церкви. И случилось чудо. Однажды в храме священник вдруг предложил мне исповедаться. После этого с меня такой груз свалился, и физический, и духовный...</p>	<p>Я всегда любила людей, но теперь стала это чувствовать как-то по-иному, более проникновенно.</p>
<p>Сохранились ли у вас прежние, неверующие друзья и знакомые?</p>	<p>Да, сохранились, мы все нормально существуем. Люди с уважением относятся к моим взглядам.</p>	<p>Сохранились. Я им говорю о вере, они слушают, но воспринять не могут пока.</p>	<p>Они есть. Молюсь о них, и, к сожалению, приходится пока не общаться.</p>
<p>Усложнились ли ваши отношения с неверующими родителями, детьми, другими близкими?</p>	<p>Нет, не усложнились. Родители у меня верующие, верующей была моя бабушка. Собственно, это корни моего воцерковления во взрослом состоянии.</p>	<p>С близкими – усложнились, нападки на меня усилились, но я это воспринимаю как православный человек, то есть терпимо и с пониманием.</p>	<p>Да, очень усложнились, учитывая, что я пришла из мусульманства.</p>
<p>Лично вам стало в житейском смысле существовать легче или тяжелее?</p>	<p>Стало легче. Стараюсь сохранять в душе радость бытия, радость от приятных вещей в жизни, не гнаться за недостижимыми целями. Это идет от понимания того, что нужно довольствоваться тем, что дает тебе Господь сейчас.</p>	<p>Пожалуй, тяжелее. Когда идешь ко Господу, всегда будут искушения и нужно быть к ним готовым. Я их чувствую и в духовном плане, и через людей, но не скорблю и стараюсь идти дальше.</p>	<p>Конечно, легче!</p>
<p>В целом ваша жизнь стала внутренне более или менее уверенной, спокойной?</p>	<p>Да, стала именно более уверенной и спокойной.</p>	<p>Конечно. Когда веришь в Господа – ничего не боишься и только просишь у Него подкрепления в жизни.</p>	<p>Однозначно – да: и увереннее, и спокойнее. Слава Богу за все!</p>

<i>Галина Олеговна, пенсионерка</i>	<i>Петр, 24 года, студент</i>	<i>Мария, пенсионерка, просфорница</i>	<i>Сергей, 50 лет, менеджер</i>
	<i>фотографироваться отказался</i>		
Это не то слово, что все изменилось, просто все стало другое. Было такое ощущение, что просто другой мир, началась другая жизнь.	Конечно, после воцерковления жизнь сразу преобразилась, и совсем по-другому смотришь на многие вещи.	Да, однозначно.	Изменилось.
Да. Мы с мужем очень резко воцерковились, поэтому произошло полное отделение от мира. Мы оказались полностью в церковной среде, в совсем другом мире.	Очень даже заметил. Когда просвещаешься, приходишь к вере, смотришь через призму Православия и Господь помогает через Святого Духа понимать, что добро, а что зло.	Больше стало вопросов, больше стало внутреннего искания, чем было.	Заметил.
В тот момент у нас было благословение максимально отсечь все мирские связи, но они у нас сохранились, конечно.	Да, у меня много неверующих друзей, знакомых, но я надеюсь, что они тоже придут к Богу.	У меня была знакомая, благодаря которой я многое поняла, потом она сама впала в такое, что надо бы ей самой помочь.	Есть такие.
Да, осложнились. Были довольно непростые отношения с родителями, они так и остались в плену безбожного советского прошлого.	Отношения ни с кем не осложнились.	Родители были верующие, но я их не слушала. Дети сначала отвергли, сейчас хотя бы стали прислушиваться. Другие близкие сказали, что ненормальная, но я думаю, и у них мнение может измениться.	Я бы не сказал.
В тот момент была перестройка, и Господь, как на корабле, провел мимо этих житейских бурь, мы пережили только внутрицерковные искушения.	В житейском смысле существовать без Бога невозможно. Без Господа шагу нельзя ступить.	Конечно, легче, безусловно! Появился смысл жить, ведь без Бога не до порога. Как я жила без Бога до этого, как Господь оставался к нам милостив, ума не приложу.	Легче, безусловно.
Нет, конечно. Колебания, сомнения, стремления найти истину, цель поменялась – Царствие Небесное.	Все зависит от того, как я каюсь, насколько тянусь к Господу. Если начинаю расслабляться, моя жизнь перестает быть спокойной, уверенной, и наступает хаос.	Однозначно – увереннее, спокойнее с Богом, никаких беспокойств.	Может быть, не такой спокойной, но более уверенной – точно.

Забывтый современник

АРСЕНЬЕВ Николай Сергеевич (16.05.1888, Стокгольм, – 18.12.1977, Нью-Йорк) – богослов, культуролог, историк, писатель. Родился в семье русского дипломата С. Арсеньева. Духовную атмосферу в семье сформировала его мать, Е. Арсеньева (урожд. Шеншина), обучившая сына английскому, французскому и немецкому языкам и привившая вкус к очень широкому кругу чтений: Библия и «Добротолубие», знакомство в подлинниках с сочинениями Гёте, Гейне, Расина и Мольера, раннее чтение святоотеческих текстов Исаака Сирина, Макария Египетского, св. Франциска Ассизского.

Школьное образование А. получил в Московском лицее. Это был период его увлечения философией и греческим языком. Сильнейшее впечатление на лицеиста произвели книги ректора Московского университета князя С. Трубецкого «Метафизика древней Греции» и «Учение о Логосе».

Глубокое религиозное воспитание, полученное в семье, было созвучно атмосфере русского религиозно-философского ренессанса начала XX в. В 1906 А. поступил на историко-филологический факультет Московского университета с уже сложившимся, по его мнению, мировоззрением, которое он называл философией сердца, освещавшей смысл жизни и живой лик Божества. Увлеченность А. религиозно-философской проблематикой эпохи Средневековья и платонизмом эпохи Возрождения вылилась в целый ряд публикаций – «В поисках Абсолютного Бога» (М., 1910); «Плач по умирающему Боге» (М., 1912); «Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения» (журн. мин-ва народн. просвещения, 1913, янв. и февр.). Большое влияние на духовную жизнь А. оказали философские кружки и салоны, которые он довольно активно посещал: Психологическое общество при Московском университете под председательством А. Лопатина, Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева, «Кружок ищущих духовного просвещения» под руководством В. Кожевникова.

После окончания университета (1910) с дипломом 1-й степени А. был оставлен для подготовки к профессорскому званию и получил возможность совершить заграничную поездку в научные центры Мюнхена, Фрейбурга и Берлина (1910–1912). В 1912 А. сдал магистерские экзамены и в марте 1914 был избран приват-доцентом Московского университета по кафедре западноевропейской литературы. В период 1-й мировой войны (с сент. 1914 по сент. 1916) А. был мобилизован и проходил службу в Красном Кресте на Северо-Западном фронте. В сентябре 1916 курсом «Мистическая поэзия средних веков» А. возобновил свою педагогическую деятельность на историко-филологическом факультете Московского университета.

Специальные курсы по культуре и литературе средних веков и эпохи Возрождения одновременно читались им на Московских Высших женских курсах и в Московском Народном университете им. А. Шанявского. В 1918 А. был избран профессором нового Саратовского университета.

Религиозно-мистические интересы А. этого периода нашли отражение в его более поздних публикациях: «Античный мир и раннее христианство» и «Жажда подлинного бытия» (обе – Берлин, 1922).

В марте 1920 А. эмигрировал. С 1920 по 1944 жил в Кенигсберге, где

на философском факультете университета последовательно занимал должности лектора русского языка, приват-доцента, доцента, сверхштатного профессора по русской культуре и истории русской духовной жизни.

Одновременно с 1926 по 1938 был профессором по Новому Завету и по истории религий и сравнительному богословию на православном факультете Польского государственного университета в Варшаве.

Развиваемые им идеи вызвали неизменный интерес не только среди философов-эмигрантов, но и в широких научных кругах Западной Европы. А. часто приглашали читать отдельные лекции в университеты Лозанны, Берна, Оксфорда, Кембриджа, Лондона, Гренобля, Страсбурга. В мае 1945 он переехал в Париж, а в феврале 1948 – в Нью-Йорк, где в Православной духовной академии св. Владимира занял должность профессора.

Несмотря на признанный авторитет и известность, мыслитель в эмиграции пребывал в состоянии интеллектуального одиночества. «Я жил, в общем, на отлете», – писал он в очерке «О русской эмиграции» (Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974). Возможно, определенную роль сыграло нежелание А. участвовать в эмигрантских философских дискуссиях, возможно, его взгляды представлялись слишком самобытными и не находили своих последователей. Вместе с тем А. вел весьма активную жизнь: частые лекционные поездки, участие в экуменическом движении (участник католических конгрессов и конференций, в 1964 был представлен Папе римскому Павлу VI). А. активно сотрудничал в бердяевском журнале «Путь», где публиковал как аналитические статьи («Об избыточествующей жизни. Мистика и Церковь», №3; «Пессимизм и мистика в древней Греции», №4–5; «О духе нашего времени», №6), так и обзорно-информационные («Современные течения в католичестве и протестантстве в Германии», №1; «О современном положении христианства», №7; «Лозаннская конференция», №10; «Религиозные съезды в Ньюкасле и

Кембридже», №20; «Религиозное движение молодежи в Германии», №23; «Движение к единению христианских церквей и проблема современного мира», №31, и др.).

Проявившийся в публикациях интерес А. к западноевропейской религиозной и церковной жизни не был, однако, определяющим в общем спектре его духовных исканий. В сущности А. был мыслителем одной темы – духовной культуры России и русского православия. Структура и стилистика сочинений А. такова, что его можно вполне принять за богослова, но по сути он – историк религиозной культуры (Запада и Востока), философ культуры с «большим сознанием». Болезнь эта была всепоглощающей и всерадостной, т.к. называлась Россией с ее трагической судьбой и с вечными ценностями ее культуры, которая в своей православной форме жизни преизбыточествующей единственно способна к преобразению мира и жизни.

А. был убежден в том, что существует некий высший смысл и непрекаемый внутренний закон творения и жизни, как жизни мира, так и жизни человека. Основные мотивы и обоснование этой убежденности А. изложил в своем учении о Логосе Божием, который понимался не только как основа творения вообще, но и как средоточие истории человечества, как специфический духовный центр, невольно притягивавший всякого человека, приходящего в мир. Воплощенный Логос Божий, воплощенное Слово Божие, по глубочайшему убеждению А., есть центр истории мира. К нему сходятся и от него расходятся все лучи. В Логосе все обетования Божии, в нем осуществляется план Божий о мире. В Логосе решающим образом раскрылась и вошла в мир воплощенная Любовь Божия – основоположный закон и «задний фон» бытия всего мира. Размышляя о структуре мира, А. видел в нем огромное величие: «В этих круговых вращениях электронов, в этом огромном напряжении и устремлении сил, из взаимодействия которых рождается то, что мы называем материей, здесь есть не только захватывающий зов глубин, уходящих в бесконечность, но и красота и планомерность, поражающие наш ум. Мы начинаем понимать слова о Премудрости, лежавшей в основе мироздания, подобно тому, как эту Премудрость разумел

автор книги Иова и авторы псалмов, когда они восхищались величием Божиим». Нет никакого сомнения в том, что подобные рассуждения в значительной мере носят пророческий характер, но это пророчество не религиозного фанатика, а углубленного ученого-богослова и тонкого мыслителя, пытающегося философски осмыслить пласты христианской культуры и осветить онтологические аспекты мудрости античного и христианского миров.

В.В. Шелохаев.

Энциклопедия русской эмиграции, 1997 г.

Сочинения Н.С. Арсеньева: Из русской культурной и творческой традиции. Франкфурт-на-Майне, 1959; Преображение мира и жизни. Нью-Йорк, 1959; О Жизни Преизбыточествующей. Брюссель, 1966; О Достоевском. Четыре очерка. Брюссель, 1972; Единый поток жизни: К проблеме единства христиан. Брюссель, 1973; О красоте в мире. Мадрид. 1974; О некоторых основных темах русской религиозной мысли XIX века / Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975.

Валентин Курбатов

Прикосновение

Перечитывая дорогие книги

*Где твое, смерти, жало,
где твоя, аде, победа?*

Иоанн Златоуст.

«Слово огласительное на Пасху»

Начальные слова вступления Н.С. Арсеньева к книге «Преображение мира и жизни»: « В этот момент истории человечества... когда совершается великая «десакрация» мира... когда силы зла вносятся добровольно и дерзновенно в самую ткань мировой жизни и человек стал на путь конечного самоуничтожения...». Как будто такое тревожное время в его час едва наступило. Между тем, кажется, эта фраза родилась вместе с человечеством. Эта «десакрация» (попрание святости мира) началась задолго до потопа и однажды уже истощила терпение Господне. Но даже и сам потоп научил мир не многому. Ведь сын-то Ноя, нарицательный теперь Хам, смеялся над наготой отца уже после Араратской швартовки Ковчега. А уж что может быть «десакральнее» насмешки сына над отцом? Сегодня же и просто каждый человек от управдома до президента считает нужным, извиняя свои упущения, сказать о «нашем трудном времени».

Просто, вероятно, каждый человек однажды в пору настоящего духовного созревания может сказать за Данте «Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу».

«Сумрачный лес» «десакрации» шумит из столетия в столетие, но услышать этот шум, «очутиться» в этом лесу можно только с готовым зрением и слухом. И странно, что печаль словно разом уравнивается сознанием, что в мире нет прошлого и будущего, а стоит одно вечное «сегодня», меняя одежды, средства истребления и сообщения, но не меняя внутреннего существа человека. Падают империи, цветут и угасают демократии, свирепствуют тираннии, пируют кровавые и бескровные революции, а человек только переодевается, пересаживается с лошади в автомобиль и из телеги в самолет, чтобы успеть принять во всем участие (как Онегин между балами – «раздет, одет и вновь одет»).

А рядом, в отделенной от государства церкви, как в параллельном мире, светят небеса мировых религий, и малое человечество святых в не меняющихся одеждах бедности и тишины все оставляет образцы жизни, в которой весь театр меняющейся истории – есть только «суета сует и всяческая суета». А в верно построенной жизни только немеркнущий свет Божьего дня, слепящий Лик Бога, исторгающий из души немолчную хвалу «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Один из моих друзей, прекрасный поэт, жалуется: не могу часто ходить в церковь, не понимаю этих бесконечных «господипомилуй-господипомилуй» и этих непрерывных славословий. В чем мне постоянно нужно просить прощения и за что без конца сла-

вить? И я не знаю, как кратко и убедительно объяснить ему, что вот за эту самую мировую историю и просить прощения, за дурную бесконечность ее повторений, за переодевание политических позиций, за глухоту и слепоту погони за пустотой. Или, как говорил великий философ человеческого воскрешения Н. Федоров, каяться «в культуре, в искусственном вымирании, в цивилизации, во взаимном истреблении, в истощении природы». Вон сколько всего! А уж славить, так уж за одно то, что Бог все время оставляет дверь в райский сад целостности открытой, за само таинство жизни.

Как бы мне хотелось привести тут целиком акафист «Слава Богу за все», написанный владыкой Трифоном (Туркестановым) посреди тридцатых годов, когда мир уже гнал церковь, уверенный, что он создал себя сам, а акафист гремел как акт сопротивления и в «славах» своих возвращал человеку его вечное святое начало. И неужели, думаю, мой поэт не разделит этого полета над тьмой: «Слава Тебе, призвавшему меня к жизни. Слава Тебе, явившему красоту вселенной. Слава Тебе за любовь родных, за преданность друзей. Слава Тебе за огненные языки вдохновения. Слава Тебе за неутолимую жажду богообщения. Слава Тебе, вдохнувшему в нас неудовлетворенность земным. Слава Тебе, вложившему в нас вечную тоску по небу!».

* * *

Книга Николая Сергеевича Арсеньева – об этом. И она человечески горяча, порывиста и даже как будто нетерпелива, как нетерпелив человек, узнавший радостную тайну и торопящийся рассказать о ней и разделить счастье знания.

Это не богословие, которое обыкновенно покойно, ясно, уверенно. Там не бегают, а идут. Там выбирают слова и долго слушают. Там Бога не ищут, а только бережно раскрывают Его полноту.

Это – религиозная мысль. И она вся горение, вся поиск слова, вся поэзия, вся молодость и путь. Она была таковой в России в пору раннего славянофильства, в пору мальчиков Достоевского, и особенно в начальные дни XX века, в пору религиозно-философских обществ. Эта молодость слышна у Киреевского и Аксакова, у Леонтьева и Данилевского. Но она уже просто гонится за Богом у отцов Павла Флоренского и Сергея Булгакова, у Мережковского и Бердяева, у Тернавцева и Новоселова. Самоуверенно скучные люди от обрядовой церкви подозревали их в модернизме и неверии, но умные и действительно глубокие богословы слышали их благодарнее и вернее. В воспоминаниях А.Ф. Лосева, записанных В. Библиным, есть смешной эпизод: «В начале 30-х годов я тут встретил в одном месте, не слишком официальном, бывшего ректора Духовной академии епископа Феодора... Реакционер, твердый, все семинаристы трепетали... “Как Вы такого декадента и символиста, как Флоренский, поставили редактором “Богословского вестника”, – я спросил, – и дали ему заведовать кафедрой философии?” – “Все знаю. Символист, связи с Вячеславом Ивановым, с Белым... Но это почти единственный верующий человек во всей Академии... Настолько все захвачены наукой, что начинают комментировать текст Священного Писания – и разносят его до основания... Флоренский – один верующий из всех”».

Они все в начале века знали хищную власть разума, но тем радостнее были в преодолении ее. И не зря у них столько поэзии, столько утра, столько метафор и удивляющих сравнений, когда мир открывает свою полноту в счастье уподобления,

обнаруживает свои связи в любом мгновении жизни. Или, как это было сказано отцом Сергием Булгаковым: «Каждая точка в мире существует для всего мироздания».

Они кто добровольно, кто насильственно ушли в изгнание и увезли эту молодость и чувство всеполноты с собой, оставив нас здесь «переделывать человека на новый лад». И там не зря скоро создали Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД), в котором и сами были молоды. Они все читали там на первых съездах – отцы Георгий Флоровский и Василий Зеньковский и светские ученые – Антон Васильевич Карташов и он – Николай Сергеевич Арсеньев. Изгнание как будто лишило их возраста, остановило на вечной русской юности, которая так слышна в их стиле, в их свежей чистоте мысли и тоже как будто вывезенной с собой русской образности. И в самой добротной старомодности строя их мысли, таинственно соединенной с юностью.

«Преображение жизни и мира» – это желанный итог, последняя точка долгой мысли и жизни. А сама книга – путь, ответ на задаваемый каждым днем этой жизни и каждым явлением природы и каждым высоким художественным произведением вопрос. А эмиграция – еще и невольная лаборатория, в которой опыт особенно чист. Там Бог ближе по первому чувству осиротелости, по чуждости неба и языка. Там особенно ощущаешь, что Бог есть слово, и слово именно твоего языка, в котором, оказывается, таинственно содержится и все конкретно земное, обыкновенное, повседневное, и все метафизически тонкое, неизъяснимое. Бог растворен в языке, наполняет каждый слог и каждую паузу, так что ты обнаруживаешь, что и молчание может быть русским. Поэтому мне кажется совершенно естественным, что Арсеньев начинает разговор о преобразении жизни с поэзии. С того, как она умеет выразить томление души при виде красоты Божьего мира, выговорить догадку о том, что красота – это чья-то речь к нам, немое, но явственное слово. Это привет и вопрос. Это приглашение к диалогу. Честертон когда-то жалел атеистов, что они, бедняги, видя прекрасный закат, мучаются восхищением и физически страдают, потому что не знают, кого поблагодарить за него. Поэты часто тоже не знают, но у них есть оружие слова, и Бог помогает им назвать адрес благодарности. Сам поэт, Арсеньев вспоминает целостное, удерживающее мир слово как дом, как счастливую крепость. И потом, глава за главой, проверяет все пути преодоления «томления» (экзистенциалисты сартровой крови звали бы это чувство «заброшенностью»), чтобы вернуться с другом-читателем в утраченный рай единства.

Протопресвитер Александр Шмеман, чьи «Дневники» недавно читались так жадно, как не читается уже и высокая беллетристика, не раз вспоминает в них «дядю Николу» Арсеньева – уже старого, одинокого, но еще ухватывающегося за врачующий свет русского слова, еще пишущего стихи и будившего своих читателей ночью, чтобы немедленно разделить радость написанного, но уже все дальше оставившегося в прошедшем. «Показывает какие-то семейные альбомы: сентябрь 1910 года, имение, эти удивительные “липовые аллеи”, весь его – арсеньевский – мир... Ему кажется, должно быть, что если бы все поняли, как он красив, прекрасен, глубок был этот мир, – они поняли бы, где спасение».

О, этот призыв: если бы все поняли! Он пронизывает всю книгу. Разве для него одного («это было в России, это было в раю»), как сказал за них за всех молодой еще тогда Владимир Набоков. Эти «аллеи», а у Набокова «этот пятнистый русский свет», а у Зайцева, Бунина, Газданова, у отца Сергея Булгакова

Гилберт Кит Честертон: Кого благодарить за эту красоту?

ва! А у самого элегического, зачаровавшего всех «Летом Господним», как золотой детской сказкой, Ивана Шмелева! Там был Дом, Очаг, такой естественный, что его не видели, пока не утратили.

И что бы нам теперь эта ушедшая «этнография»? А вот болит, потому что где он у нас, этот дом, этот быт, эта непрерывность жизни?

Почему-то все нейдет у меня из памяти страшная картина – оставленный греками в Турции город Кармелисос, в одну ночь, 30 июня 1923 года, подвергшийся изгнанию, потому что Ататюрк строил новую Турцию и греки мешали ему верой и историей. Я видел его несколько лет назад в скитаниях по ушедшей Византии. Солнце и ветер выжгли город, и среди пустых стен зияли обращенные в одну сторону, как глаза брошенных богов, своды печей. Они глядели, как оставленные иконы. Я впервые видел так ясно святость очага для грека – все они были в переднем углу, как образ, как солнце. Страшно было представить, как люди уходили, оборачиваясь на этот немой взгляд, под которым выросли целые поколения. И теперь для меня эти «липовые аллеи», этот «пятнистый русский свет», эти шмелевские лампы и «ефимоны» – тот же очаг, тот же утраченный рай. И у Афанасьева обращение к давнему быту Киреевских и Аксаковых и собственные счастливые воспоминания о домашних говениях, о радости причастий и пасхальной ночи – есть тоже способ сказать о драгоценности христианской семьи. И чем горячее и поэтичнее пишет Афанасьев свет дома, тем больше это читать.

Мы оборвали эту традицию почти необратимо. И если идем с детьми к причастию, то как-то «литературно», чуть напоказ, будто не Богу предстоим, а батюшке и общине. Да и этих-то, хоть показных, семей пока много ли, кто действительно успел понять всеобщую проникнутость Богом каждого дня жизни.

Красота мира, красота слова, красота семьи – все сегодня как будто чуть надорвано, расшатано, повреждено и затемнено. И все требует света и преображения, все торопится напомнить, что действительная полнота жизни, ее настоящий смысл и оправдание не все ЗДЕСЬ, а еще и ТАМ, откуда мы и в самый глухой час слышим таинственные зовы и проступание света. «Я вижу некий свет», – лепетал Пушкинский «Странник» из

позабывтого нами позднего светлейшего православного Пушкина, забывшего уроки юного «афеизма», чтобы услышать другой призыв «Держись сего ты света!», хотя бы это сулило тебе общее непонимание.

Каждая, каждая страница книги останавливает сердце, не пускает к механическому чтению, каждая задевает, ранит и ищет твоего собственного, искреннего личного ответа. И ты опять с волнением встанешь в главе о любви рядом с толстовскими Кити и Левиным во время венчания. И как впервые услышишь перебивающие друг друга, задышающиеся монологи Ромео и Джульетты, сонеты Петрарки и Данте и поздние стихи Тютчева и Фета и будешь потрясен небесной силой самых полных минут любви и опечален, что и она не всеильна, и мы или сами устаем и охлаждаем, или в лучших и святых союзах и совершенную полноту уносят волны смерти, чтобы опять и опять напомнить нам, что окончательная победа в Преображении, в уничтожении границы между «здесь» и «там», в необходимости бодрствовать в свете.

Он проведет нас учительными дорогами мировых катастроф, войн и концлагерей, чтобы мы поняли, что Бог и посреди сочиненных человеком ужасов, за которые он потом любит спрашивать небо, не оставлял землю.

Это, может быть, самое болезненное в книге, как в общем всегда мучителен разговор об «оправдании Бога», о «слезинке ребенка», но Арсеньев долгим человеческим опытом и высоким читанным опытом мировой истории знает, что «билет» следовало бы возвращать не Богу, а человеческому своеволию, и не устает напоминать древних пророков всех стран и народов, которые знали это лучше нас и предупреждали, что своеволие однажды кончится: «Поникнут гордые взгляды человека и высокое людское унижится. Господь будет высок в тот день. Ибо грядет день Господа Саваофа на все гордое и высокомерное». Но мы все снова и снова пропускаем про «гордое человеческое», предпочитая спрашивать за тиранов, деспотов и убийц с Бога, а не с его противника, которому мы служим охотнее.

Автор с бережным вниманием выслушает срывающийся крик Достоевского и покойное молчание Толстого, проповедь птицам и травам Франциска Ассизского и мистические прозрения Иоанна Креста (Хуана де ла Крус), пламенные глаголы

отцов Нитрийской пустыни и простые свидетельства Соловецких старцев, чтобы опять и опять звать нас к небесной памяти и проводить к трудно усваиваемой нами мысли, что преображенной душе даже и утеkanie жизни – не печаль, а повод к благословению. Ведь она утекает не в песок забвения, а в океан вечности, где она сливается с другими живыми водами и получает настоящее завершение. «Динамизм исчезновения просветляется и осмысливается, ибо нет исчезновения, все закреплено...». И иллюстрирует эту непостижимую хвалу смерти тихим словословием старца Зосимы: «Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую каждый оставшийся день, как жизнь моя земная соприкасается уже с новою, бесконечною, неведомою, но близко грядущею жизнью, от предчувствия которой восторгом трепещет душа моя, сияет ум и радостно плачет сердце».

И мы уже лучше понимаем, почему Арсеньев говорит об уходящем человеке не «кончается», а «начинается». Кончается ветхий человек и начинается новый. У Иосифа Бродского в «Сретеньи» это сказало, как могло сказаться только у поэта, который не декларирует любви к Богу, а знает Его в послушании слова:

*Он шел умирать. И не в уличный гул
он, дверь отворивши руками, шагнул,
но в глухонемые объятия смерти.*

Но душа Симеона уже несла перед собой образ Богомладенца,

*Как некий светильник, в ту черную тьму,
в которой дотоле еще никому
дорогу себе озарять не случалось.
Светильник светил. И тропы расширялась...*

Так расширяется она здесь, глава за главою, чтобы подойти к высшему согласию человека и Бога, открывающемуся в таинстве Евхаристии. И вся книга разом открывается, как причастный канон, как приготовление к тому, что «Огонь есть», тот огонь, который в страшной явственности открылся однажды Паскалю и преобразил его жизнь.

Когда-то товарищ Арсеньева по работе в Студенческом Христианском Движении, высокий богослов отец Георгий Флоровский замечательно сказал: «К отцам – это всегда вперед». Они знали это все и умели слышать молодость древних текстов, в которых христианство горело юностью и верой в то, что пламенные языки Пятидесятницы вспыхнут над человечеством со дня на день, хотя эти великие молчальники и исповедники не хуже нашего знали, что Господни сроки не равны человеческим. А мы понемногу приучили себя к мысли, что «еще поживем», что «время есть», и незаметно охладели, так что и причастие уже не

опалает нас и не воскрешает сердца. Да и к Литургии уже привыкли и только Великим постом на мгновение остро вслушиваемся, когда Иоанна Златоуста сменяет Василий Великий и веет древней красотой и силой.

В «Таинстве Евхаристии» Арсеньев, словно омывает наше зрение, цитируя греческую Литургию Иакова и восточно-сирийскую Адая и Мари, александрийскую Литургию Василия Великого и коптскую св. Григория, и привычный обряд зажигается новым светом. И уже не терпится дожидаться воскресения и услышать в как будто наизусть ведомой Литургии Иоанна Златоуста эхо тех молитв и той молодости жизни и вместе с Арсеньевым утвердиться в том, что мы говорим не о метафорах и служим не символам, а живем в конкретном историческом и вместе вечном пространстве *христианского реализма*, в навсегда оправданной материи мира, где небо и земля, Бог и человек неразрывны, «где снимаются грани времени, где будущее и настоящее претворяются в единую Вечную Жизнь».

И заканчивая книгу, думаешь, как прекрасна должна быть и сама простая земная жизнь, сознающая это. И я вновь открываю «Дневники» отца Александра Шмемана: «...еду к Н.С. Арсеньеву... восемьдесят семь лет! Один! Почти слепой! В этом полуразвалившемся доме, сплошь завешанном какими-то “дагерротипами”, заставленном книгами, в грязи... Полтора часа слушаю – что? Поток судорожно изливающегося на меня тонущего мира, того, который один признает Н.С. ... утонченная дворянская усадьба его дедов и прадедов. И... никаких антенн, ни малейшего внимания к другим мирам, да и просто к реальности. Ее не существует. “Только зеркало зеркалу снится”... Уезжая, цитирую себе: “...но жаль того огня, что просиял над целым мирозданием и в ночь идет и плачет, уходя...”».

Это написано через десять лет после того, как вышло «Преображение». Поневоле сожмешься от печали. И что же? Разве весь свет этой книги, что «просиял над целым мирозданием», напрасен? И разве опровергнут старостью, которая всегда одинока? Но ведь он и книгу подписал в печать не мальчиком – в семьдесят семь лет, когда другие уж ветхи. А тут свет поднебесный, полнота опыта, непрерывное счастье – подлинно «мироздание»! И свет этот никуда не ушел и задача преображения, путь, начертанный им, – все путь.

Просто отец Александр увидел старого человека из нью-йоркского полдня, из совершенного здоровья, из леса «антенн», и вздрогнул от сострадания, как естественно вздрагивает перед лицом чужой немощи здоровый любящий человек.

Но завтра опять может раздаться ночной звонок, и «дядя Никола» прочтет еще одно стихотворение, и «тьма не обвинит его», потому что свет Преображения горит в его внутреннем Фаворе и не «в ночь идет» этот огонь, а вперед и вперед. И тропы его расширяются...

*Фрагмент книги Н.С. Арсеньева
«Преображение мира и жизни»*

ГЛАВА VIII.

О СТРАДАНИИ И МИРОВЫХ КАТАСТРОФАХ. ГРЯДУЩЕЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

I.

Когда все это будет напечатано (впрочем, будет ли?) многое из этого,

если не все, будет уже прошлым, и спрашивающих ныне, может быть, уже тогда не будет, но самый вопрос остается. Он вырос из данного времени, из определенной ситуации, но он имеет общее значение, перерастающее рамки этой ситуации. В нем сконцентрировалась общечеловеческая жажда не столько, может быть, справедливости только, сколько жажда милосердия, **жажда жалости** и ужас перед безжалост-

ностью событий, безжалостностью ткани общечеловеческой жизни. Ибо и теперь, в более мирные опять (надолго ли?) времена (и раньше, до всех этих потрясений), мы со всех сторон окружены страданием – катастрофы воздушные, катастрофы железнодорожные, катастрофы автомобильные, ураганы, пожары, сотни тысяч людей, умирающих в госпиталях от рака и других мучительных болезней: как

иметь силу знать все и переживать это, и сострадать, и не терять веру? Вопрос острый и переходит далеко за пределы, за плоскость данного времени, да и вообще какого бы то ни было времени, это – вопрос Иова и 4-ой книги Ездры и Паскаля, и Достоевского, но, может быть, особенно остро вопрос нашего времени, нашего поколения; впрочем, повторяю, вопрос всех времен и всех поколений (хотя, например, он часто забывался в самодовольной сытости многих течений 19-го века). Как объяснить, как понять **страдание**? Как примирить нашу веру с страданием?

Вернемся к опыту недавних лет: И вот мы видим, что и в тюрьме, и в испытаниях, и в беженстве (поток беженцев и насильственно обездоленных лились через Европу то в одном направлении, то в другом), и в потере имущества, и даже перед лицом смерти многие ощутили руку Божию, близость Божию. Как это понять, как это примирить? Сбивается загоревшийся «передний план» жизни, рушатся твердины – «декорации», и обнажается не только бездна ужаса и страдания, но и **Превозмогающая Сила**. Для нее, наконец, очистилось место в восприятии нашем. Рухнули декорации и многие самые твердые земные постройки, расчеты на мещанское благоустройство, на буржуазный уют. И есть теперь место, где принять Бога. В бездне ужаса раскрылся Бог – не как наказующий, или не только как наказующий, но как **Пребывающий**. В этом – духовное значение, духовное величие, духовная ценность мировых катастроф: раскрывается **Пребывающее**. А иногда еще больше: Его снисходящая, через бездну смерти ведущая нас, бездной страдания и смерти не уничтожаемая, иногда именно в ней раскрывающаяся или угадываемая близость. Это не благодушно-однобокая реабилитация страдания, это – намек на глубины присутствия Божия, могущие особенно ярко, особенно поражающе, когда все рушится, – раскрыться именно в катастрофе и страдании. Не разрешение тайны страдания – оно для нас неразрешимо, – а намек на **встречу** в страдании и катастрофах с Тем, что пребывает, или, вернее, Кто пребывает и Кто превыше страдания.

II

Всегда ли эта встреча имеет место? Это представляется довольно решающим вопросом. Вряд ли. Но страдание есть дверь (как все может стать для нас дверью), иногда особенно близко приводящая нас, и мы можем стучаться в эту дверь. В нем, если несколько изменить взятый нами образ, часто уточняется эта дверь, ведущая нас к Богу. Ибо Бог не только – прибежище нам, но – и это особенно важно – и **соучастник страдания нашего**. В этом – тайна христианского ответа на проблему страдания, и на ней нам придется остановиться.

Какой ужас заживо сгорать, какой ужас эти массовые расстрелы или умирание от голода и холода стариков и детей на больших дорогах Западной России, Украины, Польши и Средней Европы в годы войны, – явление, могущее повториться снова и ныне! Не потрясена ли наша вера в Бога? И потрясена и укреплена одновременно. Да, потрясена; колеблется она под натиском более чем законных раздумий, недоумений, смятений. Но тем не менее – какой неожиданный парадокс – как часто Бог приближается и раскрывается именно в смерти и страдании. Если прильнуть к Нему в страдании, уцепиться за Него руками души своей среди ужасов смерти, когда нет кругом избавления, то ничто не может оторвать от Него. Это не только опыт христианских мучеников – опыт высокого нравственного и религиозного диапазона, опыт исключительно сияющего, радостно торжествующего героизма, светящего нам в истории через века, – нет, это – опыт, повторяющийся и повторявшийся среди ужасов нашей жизни каждодневно. Все рушится, и нет мне спасения, ни мне, ни близким моим, умирающим тут же на глазах моих, и все же я уцепился за Бога. Умираю, но умираю в Нем.

Но мы, люди, можем ли это внутренне, морально допустить, можем ли безучастно смотреть на такое массовое умирание? Это – другой вопрос, и всей тяжестью ставится он перед нашей душой. И один из самых сильных аргументов для смущения и смятения совести нашей и крика возмущения и недоумения, рождающегося в нас, это – факт, что люди **могут** спокойно смотреть на гибель других людей – ста-

риков, женщин, детей – и участвовать в этом. Это – процесс и протест, подымаемый совестью нашей против мира сего, против людей мира сего, против цивилизации и сильных мира сего, будет ли имя Гитлер или Сталин или другое какое имя («ему же имя легион»), в большей еще степени, чем процесс против Бога. Но это может перейти и в процесс против Бога, тяжбу с Богом, как ее ведет Иван Карамазов в «Pro и contra» у Достоевского. Это есть восстание, бунт духовный – во имя жалости к людям. Будущая гармония не может удовлетворить Ивана, ибо очень уже больно теперь, невыносимо тяжело порой, очень уже высокую цену приходится платить за «право на вход». А главное, непонятны ему страдания невинных, страдания детей.

Но есть и то, что **по ту сторону страдания**. И страдание есть **прорыв** – болезненный, ужасный прорыв – к тому, что по ту сторону страдания. А по ту сторону страдания, для верующего ока – Незыблемость Божия, и не только Незыблемость, а Лोन Отчее: «В доме Отца Моего обители многи суть»; милосердные объятия, милосердные глубины Божии. Но есть еще гораздо большее для христианского ока: это – **Прорыв Бога к нам**, добровольное снисхождение милосердного Бога до глубины страдания нашего, **участие Его в страдании нашем**. И это есть единственный ответ на недоумение и смятение духовное, высказанное Достоевским устами Ивана Карамазова.

А для неверующего ока? Но дело не в восприятии только, а прежде всего в Реальности. Реальность сильнее и важнее нашего субъективного восприятия. И решает нашу судьбу встреча с этой Реальностью. И от встречи, решающей встречи с этой Реальностью не гарантирован никто, даже неверующее око своим неверием; и оно, может быть, даже менее, чем какое-либо другое, если оно есть **честно** неверующее и честно ищущее и внутренне мятущееся око. Здесь вопрос может быть решен только **встречей** с благодатью снисходящего в самые глубины наши и милующего нас Бога. Я могу не знать Бога, и все же Он держит меня за руку и **ведет меня** – даже и в страдании, или, вернее: именно и в страдании. Ведет меня ко встрече с Ним.

Наум Коржавин: «Стыд приводит к постижению Бога»

Живет не суетно.
Никому не служит.
Впрочем, нет, служит – Поэзии и России.

Это его вечная служба.
Земной, веселый, беспечный, искренний, открытый, добрый.
Ребенок-мудрец.
Человек эпохи Возрождения.
Фазиль Искандер сказал о нем: «Мировой идеал поэта».

В нашу эпоху денег – сама коммерческая неискренность.

Хотя и живет нынче в стране денег – Америке.

Но самое главное: просто русский поэт.

Просто русский поэт: Наум Коржавин.

Мы познакомились двадцать четыре года назад.

Как-то специально я за Коржавиным не записывала. Иногда (очень редко) брала интервью.

А чаще мы просто разговаривали.

Цельными днями подряд.

Заранее предупреждаю: в этих сумбурных записях – почти что черновиках – Коржавин раскрывается не как поэт, а как человек.

Хотя, может быть, и нет тут никакого противопоставления, а все – слитно, едино.

Крестился Коржавин только в 1990 году.

Здесь, в Москве.

И вот однажды при друзьях стал размышлять, как предстанет перед Всевышним...

Друзья сказали: «Да ладно, Эмка, тебе-то чего бояться, ты вон сколько стихов хороших написал!».

На что Коржавин ответил: «Ошибаетесь, там гражданские заслуги не учитываются».

О Боге

«В революцию я верил долго. До пятьдесят седьмого года. Вера в революцию была для меня верой в коммунизм как в идею.

Но после венгерских событий пятьдесят шестого года читаю в “Правде” три подряд статьи венгерских коммунистов. И вижу, что это действительно коммунисты. Что коммунистическое

мышление – мышление без параметров. И коммунистической логикой можно оправдать все, что угодно.

И тогда почувствовал: если так близко видел Дьявола (дьявольщину самоутверждения и бессмыслицы), то есть и Бог. Очень многие пошли за дьявольщиной самоутверждения. И мало кто вернулся. Дьявол легко не отпускает.

*Там ложь, как топь,
И в топь ведет дорога,
Но там толкает к откровенью стыд,
И стыд приводит к постиженью Бога».*

О справедливости

«Справедливость не устанавливается и не достигается.

Справедливость вырабатывается».

О патриотизме

«Патриотизм – это любовь. А не способ самоутверждения».

О России

«Россия – моя жизнь. Без нее меня нет».

О себе

«По происхождению я еврей. По самоощущению русский патриот. По взглядам – либерал и государственный. Сторонник, по выражению русского философа XX века Г.П. Федотова, “империи и свободы”». Впрочем, либерализм без государственности и патриотизма – это тоже бессмыслица. Свободным человек может быть только в свободном государстве, обеспечивающем свободу.

Я, может быть, наивный человек. Но, думаю, надеяться выжить, не обращаясь друг к другу, не понимая друг друга, имея друг о друге превратное представление – как было в Девятьсот Семнадцатом, – еще наивней. Я ведь ничего не предлагаю, кроме как слышать и понимать друг друга».

О простом человеке

К одному из стихотворений Коржавин взял эпиграфом цветаевские строчки: «Поколенья, где краше был – кто жарче страдал».

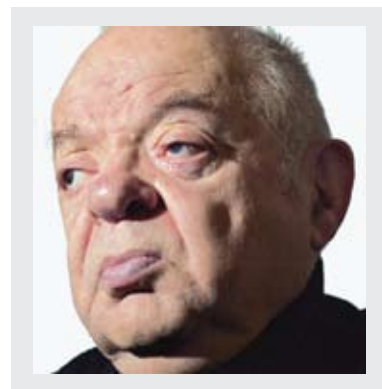

Фото Никиты Рыбакова

А кто жарче (горше) страдал в России?

Простой человек.

«К простому человеку относились даже не как к быдлу (быдло – это все-таки что-то живое), а – как к веществу. Психологические корни этого – в коллективизации. В том, что мы примирили себя с ней. Поверили: есть люди, которых можно забросить в теплушки вместе с детьми и гнать, гнать, гнать, чтобы уничтожить всех на корню. У меня об этом такие строчки:

Неужели закон – сумасшедшее соревнование,

Кто кем пожертвует ради всеобщего блага.

На моей памяти организовали такое соревнование. И это была порча. Пастернак писал:

Я льнул все время к беднякам...

Но я испортился с тех пор,

Как времени коснулась порча,

И горе возвела в позор,

Мещан и оптимистов корча.

Мы принимали неприемлемое. Все. Все, кто считал, что можно так жить. И – я. Я тоже был на высоте времени».

И – после паузы:

«А мы ведь все очень простые перед Богом».

О подлинности

«Главная борьба в моей жизни – за подлинность поэзии. За подлинность мысли. Вообще – за подлинность. Подлинность – это когда ты занимаешься тем, что действительно важно. О чем бы ты ни писал. Подлинность – это

гармония. Вот о чем бы ни было стихотворение – оно о гармонии. Оно или приобщает к гармонии, или оскорбляет чувство гармонии. Поэтому нельзя поддерживать то, что разрушает эту цивилизацию, основы жизни. Надо идти против мертвого течения».

О порядке

«Людам нужна жизнь, нужен порядок. Порядок – это все? Гитлер был за порядок? Да, Гитлер использовал то, что не было порядка, и он говорил: вот! я за порядок! Но порядок нужен всем. Не только нацистам. А то, что нацисты создавали, – это не порядок... А что такое порядок? А вот что это такое: нужно создавать вокруг себя жизнь, и каждый должен быть просто человеком. Вот и все! И в этом смысле религия говорит: ты должен быть человеком и относиться к людям по-людски. И от тебя должно исходить добро».

У Коржавина свои очень личные отношения с Богом.

И своя, абсолютно детская вера в Бога.

И при этом он говорит: «Я просто примкнул к христианству, которое для меня высшая истина».

В нем есть какая-то очень правильная скромность.

В одном из разговоров скажет мне: «Вот Сталин говорил, что скромность украшает большевика. Но скромность – не украшение. Скромность – это мудрость. Пока вы скромны – вы чувствуете свои размеры. И других людей чувствуете, и весь мир. А как только начнете думать, что вы – пуп земли, а все остальные – материал для истории, впадете в большой соблазн».

Об отце

«Мой отец считал себя нерелигиозным человеком. А на самом деле отношение к жизни у него было религиозным. В одну из последних встреч в Киеве, незадолго до моей эмиграции и смерти отца, у нас состоялся такой разговор.

“Эма! А ты умеешь мыслить?” – вдруг спросил он меня. Я прямо растерялся. Говорю: “Ну, многие так считают...”. Я уже был известным поэтом, мои статьи вызывали споры. Тогда он спросил прямо: “Бог есть или нет?”. Я сказал, что есть, но как-то путанно все стал объяснять, и отец меня пре-

рвал: “Нет, ты не умеешь мыслить, а Бога нет”.

А вот в коллективизацию отец переживал за людей страшно. Говорил о социализме: “Я понимаю: идея красивая. Но ведь люди на улицах умирают”. Вот он думал о людях, которые от голода на улицах умирали. А многие не думали. И этим недуманьем защищались от ужаса жизни».

О мысли

«Любое мышление начинается с непонимания. Когда есть непонимание – начинается мышление. А если с самого начала все понимаешь, то это уже не мышление. Я отнюдь не отрицаю такого интуитивного постижения жизни... Но она, интуиция, все равно толкает на мысль. А что такое мысль? Это стремление понять все, с чем ты имеешь дело. Природу вещей, отношений, людей, слов. Конечно, можно понимать что-то совсем неправильно. Но если не мыслить – тогда точно уже неправильно! Если не мыслить, вообще не встанет вопрос о неправильности.

Мысль рождается не сама по себе, а от мысли.

... Конечно, я ошибался. Я же верил в коммунизм, в Сталина.

От Сталина в моей семье никто не пострадал. Папа – рабочий. Мама – зубной врач. Снаряды летели выше. Но я не мог полюбить Сталина. Всегда чувствовал в нем ложь.

Однако приходили ребята с фронта и говорили: Сталин выиграл войну. И это ж не какие-то подлецы были. Герои! И они любили Сталина. И я старался его полюбить. Ведь только любя – как иначе? – можно объяснить и оправдать в человеке его жестокости».

Он очень хотел, чтобы у него в душе возникло простое человеческое чувство к Сталину.

И даже собственные антисталинские стихи стали казаться ему сталинскими.

Почти что любовными.

С чем никак не могли согласиться следователи на допросах.

Восемь месяцев провел на Лубянке.

И три годка в сибирской ссылке.

Об умении слушать

«В любом разговоре нужно стараться понимать собеседника, и если тебе возражают – вслушиваться...

Я, когда выступаю перед молодежью, говорю: “Учитесь слышать смысл произносимых слов. Своих – тоже”».

Помню, как Коржавин сказал мне это три года назад, в Бостоне. И тут же – рассмеялся:

«Вот произнес слово “молодежь” и вспомнил: в юности мы в шутку обращались друг к другу: “Старик!”, а потом вдруг выяснилось, что “старик Коржавин” – уже не шутка, а правда который год...».

О здоровье

Когда я расспрашиваю его о здоровье – отмахивается: «С дамами на такие темы не разговаривают...».

Однажды, правда, задумавшись, сказал при мне:

«Может, моя жизнь подходит к концу... Но я против конца жизни не возражаю, это предназначено Богом. Вот только моя теперешняя зависимость от собственного пуза...».

14 октября 2013 года Науму Моисеевичу Коржавину исполнилось 88 лет.

И вот что я вам по этому поводу скажу.

Плохая старость может наступить и в двадцать лет.

Когда глаз не горит, все обрыдло и надолго, и все вокруг виноваты во всем и перед тобой лично, а ты ни в чем и никак и ни перед кем не виноват.

Кстати, Коржавин говорит: «Виноваты все. Но более всех – виноваты те, кто себя не считает виноватым».

Так вот: Коржавину – 88 лет, а он моложе очень и очень многих молодых.

Потому что (см. выше) земной, веселый, беспечный, искренний, открытый, добрый.

Потому что жил и живет не суетясь.

Потому что вечно служит Поэзии и России.

Потому что написал те стихи, которые написал.

И потому что не пошел за дьявольщиной самоутверждения.

И потому что – подлинный.

И потому что знает, что такое правильная скромность и смирение.

И потому что остается человеком.

И потому что по-людски относится к людям.

И потому что от него исходит добро.

И потому что у него свои личные отношения с Богом.

И это своя абсолютно детская вера.

...Как-то Коржавин громко, с выражением прочитал мне свое стихотворение, которое я не могу удержаться и не привести здесь и сейчас.

*Давно б я убрался с земли,
Да Бога боюсь и петли.*

*Не стану храбриться, юля,
Мне очень страшна и петля.
Но все не кончается с ней,
И Бога боюсь я сильней.*

*Вот явишься... Пена у рта...
Тебе ж вместо «здравствуй»:
«Куда?»*

*В творении замысел есть,
Ты должен быть там, а не здесь,
А ну-ка, поддайте орлу!..».*

*И тут же потащат к котлу.
И бросят – навек, не на срок –
В бурлящий крутой кипяток.*

*А вскрикнешь: «За что мне казан?»
И вспыхнет в сознании экран,
И выйдут из мира теней
Все мерзости жизни твоей.
Все то, что, забывшись, творил,
Что сам от себя утаил,
Предстанет на этом холсте
В бесстыдной твоей нагоде.*

*Как жил я – судить не берусь.
Но вспомнить все это – боюсь.
Да все ли Господь мне простил,
Что я себе сам отпустил?*

*Нет, лучше пока подожду,
Не буду спешить за черту.
Ко всем, не нарушившим черт,
Господь, говорят, милосерд...*

Это стихотворение написано тридцать три года назад.

...А Господь, наверное, заслушается при встрече.

Заслушается и залюбуется.

Зоя Ерошок

Наум Коржавин

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Церковь Покрова на Нерли

I

*Нет, не с тем, чтоб прославить
Россию, –*

*Размысленья в тиши любя,
Грозный князь, унизивший Киев,
Здесь воздвиг ее для себя.
И во снах беспокойных видел
То пожары вдоль всей земли,
То, как детство, – сию обитель
При владенье в Клязьму Нерли.
Он – кто власти над Русью добился.
Кто внушал всем боярам страх –
Здесь с дружиной смиренно молился
О своих кровавых грехах.*

Только враг многолик и завистлив.

Пусть он часто ходит в друзьях.

Очень хитрые тайные мысли

Князь читал в боярских глазах...

И измучась душою грубой

От улыбок, что лгут всегда,

Покидал он свой Боголюбов

И скакал на коне сюда:

Здесь он черпал покой и холод.

Только мало осталось дней...

И под лестницей был заколот

Во дворце своем князь Андрей.

От раздоров земля стонала:

Человеку – волк человек,

Ну, а церковь – она стояла,

Отражаясь в воде двух рек.

А потом, забыв помолиться

И не в силах унять свой страх,

Через узкие окна-бойницы

В стан татарский стрелял монах.

И творили суд и расправу,

И терпели стыд и беду.

*Здесь ордынец хлестал красавиц
На пути в Золотую Орду.*

Каменистыми шли тропами

Мимо церкви к чужим краям

Ноги белые, что ступали

В теремах своих по коврам.

И ходили и сердцем меркли,

Распростившись с родной землей,

И крестились на эту церковь,

На прощальный ее покой.

В том покое была та малость,

Что и надо в дорогу брать:

Все же родина здесь осталась,

Все же есть о чем тосковать.

Эта церковь светила светом

Всех окрестных равнин и сел...

Что за дело, что церковь эту

Некий князь для себя возвел.

II

По какой ты скроена мерке?

Чем твой облик манит вдали?

Чем ты светишься вечно, церковь

Покрова на реке Нерли?

Невысокая, небольшая,

Так подобрана складно ты,

Что во всех навек зароняешь

Ощущение высоты...

Так в округе твой очерк точен,

Так ты здесь для всего нужна,

Будто создана ты не зодчим,

А самой землей рождена.

Среди зелени – белый камень,

Луг, деревья, река, кусты.

Красноватый закатный пламень

Набежал – и зарделась ты.

И глядишь доступно и строго,

И слегка синеешь вдали...

Видно, предки верили в Бога,

Как в простую правду земли.

1954

Апокалипсис

*Мы испытали все на свете.
Но есть у нас теперь квартиры –
Как в светлый сон, мы входим в них.
А в Праге, в танках, наши дети...
Но нам плевать на ужас мира –
Пьем в «Гастрономах» на троих.*

*Мы так давно привыкли к аду,
Что нет у нас ни капли грусти –
Нам даже льстит, что мы страшны.
К тому, что стало нам не надо,
Других мы силой не подпустим, –
Мы, отродясь, – оскорблены.*

*Судьба считает наши вины,
И всем понятно: что-то будет –
Любой бы каялся сейчас...
Но мы – дорвавшиеся свиньи,
Изголодавшиеся люди,
И нам не внятен Божий глас.*

1968

Друзьям

*Я позабыл, как держат ручку пальцы,
Как ищут слово, суть открыть хотят...
Я в партизаны странные подался –
Стрекочет мой язык, как автомат.
Пальба по злу... Причин на это много.
Всё на кону: Бог... ремесло... судьба...
Но за пальбой я сам забыл – и Бога,*

*И ремесло, и – отчего пальба.
И все забыв – сознаться в этом
трушу.*

*Веду огонь – как верю в торжество.
А тот огонь мою сжигает душу,
И всем смешно, что я веду его.
Я все равно не верю, что попался...
Я только вспоминаю тяжело, –
Как ищут суть, как держат ручку
пальцы
И как нас учит смыслу – ремесло.*

9 ноября 1968

* * *

*От созидательных идей,
Упрямо требующих крови,
От разрушительных страстей,
Лежащих тайно в их основе,*

*От звезд, бунтующих нам кровь,
Мысль облучающих незримо, –
Чтоб жажде вытоптать любовь,
Стать от любви неотличимой,*

*От Правд, затмивших правду дней,
От лжи, что станет им итогом,
Одно спасенье – стать умней,
Сознаться в слабости своей
И больше зря не спорить с Богом.*

1969

* * *

*В наши трудные времена
Человеку нужна жена,
Нерушимый уютный дом,
Чтоб от грязи укрыться в нем.
Прочный труд и зеленый сад,
И детей доверчивый взгляд,
Вера робкая в их пути
И душа, чтоб в нее уйти.*

*В наши подлые времена
Человеку совесть нужна,
Мысли те, что в делах ни к чему,
Друг, чтоб их доверять ему.
Чтоб в неделю хоть час один
Быть свободным и молодым.
Солнце, воздух, вода, еда –
Все, что нужно всем и всегда.*

*И тогда уже может он
Дождаться иных времен.*

1956

Вариации из Некрасова

*Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год –
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони – всё скачут и скачут.
А избы – горят и горят.*

1960

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1925, 14 октября. Родился в Киеве; мальчиком Эмой Манделем (настоящая фамилия) в основном занимается русская няня.

1941, июль. С потоком беженцев оказывается на Урале. Из-за большой близорукости не может попасть на фронт.

1944. Неудачная попытка поступить в Литературный институт им. А. М. Горького. Возвращение в Киев.

1945. Студент Литинститута. Соседи по комнате в общежитии – Расул Гамзатов и Владимир Тендряков.

1947, декабрь. Арест. Почти восемь месяцев в изоляторе Министерства госбезопасности СССР и в Институте им. Сербского. Приговорен к ссылке как «социально опасный элемент» (ст. 58-1 и 7-35 УК РСФСР).

1948, осень. Около трех лет отбывает наказание в селе Чумаково Михайловского района Новосибирской области.

1951. Пересылка в Караганду. Поступает в горный техникум.

1953. Завершает образование по специальности «штейгер» (горный мастер).

1954. Амнистия и возвращение в Москву. Занятие переводами.

1956. Реабилитация. Восстановление в институте. Безуспешные попытки опубликовать свои стихи.

1957. Окончательно расстается с коммунистической идеологией.

1959. Завершение учебы в Литинституте.

1961. Первая большая подборка стихов в сборнике «Тарусские странички» (помощь К.Г. Паустовского).

1963. Первый сборник стихов «Годы».

1964–1973. Участие в правозащитной деятельности.

1973. После допроса в прокуратуре подает заявление на выезд из страны. Объясняет «нехваткой воздуха для жизни». Поселяется в Бостоне.

1975. Пишет статью «Опыт поэтической биографии».

1976. Выпускает во Франкфурте-на-Майне сборник «Времена».

1981. Во Франкфурте-на-Майне выходит сборник «Сплетения».

1991. Публикует программную статью «Игра с дьяволом», где пересматривает наследие Серебряного века с христианских позиций. «*Эта игра с дьяволом, эта романтизация низменного губительны для искусства еще и потому, что чрезвычайно мгновенными, временными и подвижными оказываются все критерии оценок, все, если можно так выразиться, системы координат, ибо они опираются на поветрия, быстро сменяющие одно другое...*». Выходит книга «Письмо в Москву» (стихи и поэмы).

1992. Книга «Время дано» (стихи и поэмы). В журнале «Новый мир» – публикация книги воспоминаний «В соблазнах кровавой эпохи».

Дмитрий Шеваров

Неприступная крепость Павла Корина

Недавняя выставка Корина в Москве проходила тихо, почти затаенно. Ни бурных обсуждений в СМИ, ни очередей у входа. Подходя к зданию Третьяковской галереи на Крымском валу, я даже засомневался: не ошибся ли адресом? Огромная афиша приглашала совсем на другую экспозицию. Сначала мне стало обидно за великого мастера, но тут же подумалось: а может ли быть шумной выставка под названием «Реквием»?

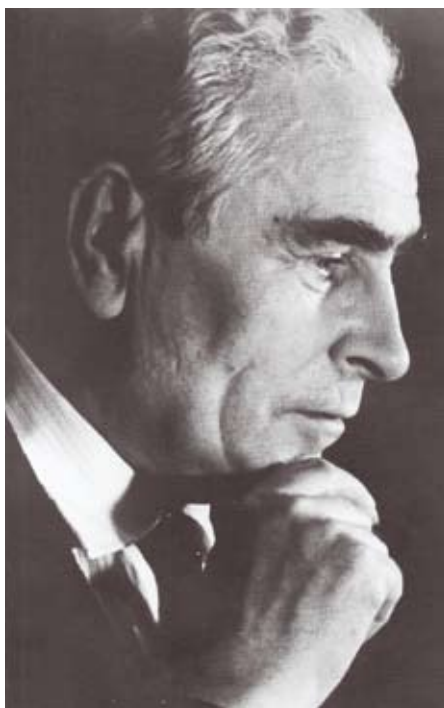
Нет, не может она быть ни шумной, ни скандальной. И понимая это, уже со смирением, а не с возмущением, принимаешь и другое обстоятельство: чтобы пройти в зал, где выставлены работы Корина, надо долго кружить по этажам, закоулкам, надо пройти через экспозицию «актуального искусства» и содрогнуться от нее, и только тогда увидишь прекрасные в своей бетховенской скорби лица. Нет! – *лики*.

Это сразу бросается в глаза: именно *лики* коринских героев, а не фигуры, не яркие облачения здесь царствуют. Лица остаются в памяти. А *лики* – врезаются в сердце.

Многие герои Корина смотрят не на зрителя, как это обычно бывает на портретах, а куда-то выше и дальше. По их глазам можно догадаться, что они стоят на обрыве бытия, у границы земного и небесного. У Престола Божия.

Вот старик Гервасий Иванович. Он положил правую руку на сердце и с детской надеждой поднял свои огромные глаза к небу, к Отцу Небесному. Когда в 1925 году его писал 33-летний Корин, старому солдату было уже за сто лет. Он служил на Кавказе еще при Николае I!

Именно с портрета «Старик Гервасий Иванович» и началась история «Реквиема» – великой ненаписанной картины Павла Корина. Наверное, это единственный случай в истории русской живописи, когда ненаписанное полотно признано великим. И не только благодаря портретным этюдам к картине, но и подготовленному Коринным, так и оставшемуся нетронутым, холсту. На выставке холст (размером 551x941, без единого шва!), натянутый на гигантский подрамник, занимает

центральное место. Загрунтованный, матовый белизны, он напоминает облако, вдруг опустившееся на землю.

Почему же холст остался чистым? Ответа на этот вопрос нет ни у искусствоведов, ни у историков, ни у близких Корину людей. Есть лишь догадки. Тайну «Реквиема» художник унес с собой.

Что-то очень русское есть в этой тайне. К Царь-колоколу, который никогда не звонил, и Царь-пушке, не сделавшей ни одного выстрела, в XX веке добавилась Царь-картина, которая никогда не будет написана...

Чтобы понять все величие и весь трагизм «Реквиема», надо вернуться к моменту рождения замысла, в апрель 1925 года. Тогда умер Патриарх Тихон, и проститься с ним в Донской монастырь пришли тысячи людей. Среди них был и Павел Корин, молодой художник, ученик М.В. Нестерова.

До революции вместе со своим учителем он расписывал храм Покрова Богородицы в Марфо-Мариинской обители. Нестеров так описывал юного Корина: «С тонким, серьезным, немного сумрачным лицом, похожий на тех юношей в парчовых одеяниях, что написаны на фресках у Гирландайо, Пинтуриккио... Что особенно

в нем было ценно – это его глубокая порядочность, какое-то врожденное благородство». В 1929 году в письме П.И. Нерадовскому Нестеров о своем молодом друге: «Эта порода людей сейчас вымирает и, быть может, обречена на полное уничтожение. И пока они существуют, я не устану ими любоваться. Любоваться моральными, душевными их свойствами...».

И вот в Донском монастыре Павел Корин вдруг видит, что у него перед глазами проходят не просто самые разные люди, – проходит *народ*. И не надо было иметь особого дара пронизательности, чтобы понять: прощается народ не только со своим Патриархом, но и с самим собой. Эти люди никогда более не соберутся вместе: крестьяне и мастеровые, «бывшие» дворяне и беспризорники, монахи и странники...

Вернувшись домой, Корин записал в дневнике: «Народа было великое множество. Был вечер перед сумерками, тихий, ясный. Народ стоял с зажженными свечами, плач, зауспокойное пение. Прошел старичок схимник... Когда выходили из ограды монастыря, были сумерки. Около ограды стояли ряды нищих. В стороне сидел слепой и с ним мальчишка лет тринадцати, мальчишка держал чашку, куда ему клали семишники и пятаки. Они пели какой-то старинный стих... Помню слова: “Сердца на копья поднимем...”». Свой замысел Корин сформулировал для себя так: «Церковь выходит на последний парад».

Он станет искать по Москве тех людей, чьи лица так поразили его в Донском монастыре апрельским вечером 1925 года. Некоторых священнослужителей он успеет найти и запечатлеть. В конце 1920-х – начале 1930-х годов он пишет портреты архиепископа Владимира Соколовского-Автономова, митрополита Трифона Туркестанова, протоиерея Сергия Успенского-старшего, московского священника Сергия Успенского-младшего, схимника Агафона Лебедева, схиигумена Митрофана Тихонова, митрополита Новгородского Арсения Стадницкого...

Время торопило художника: его герои умирали, подвергались арестам,

гибли на Колыме и Бутовском полигоне. Почти никто из тех, кого Корин собирался изобразить на своей картине, не дожид до начала Великой Отечественной войны.

В книге отзывов выставки есть запись 88-летнего Михаила Владимировича Голицына, выдающегося учено-геолога: «Мне посчастливилось знать Павла Дмитриевича и его супругу Прасковью Тихоновну. Павел Дмитриевич был дружен с моим отцом, моряком и художником Владимиром Михайловичем Голицыным, погибшим в лагерях...».

Как вообще была возможна работа над этюдами к религиозной картине во времена самых лютых репрессий и самых жестоких гонений на Церковь и верующих? Здесь тайны нет: и труды,

и саму жизнь Павла Корина взял под свое покровительство Максим Горький. Это он посоветовал художнику дать своей будущей картине название «Русь уходящая».

В 1931 году Горький пришел в мастерскую художника, посмотрел его работы и не просто одобрил, а сразу стал помогать делом. Благодаря Горькому Павел Корин получил разрешение работать над этюдами в соборах закрытого тогда Московского Кремля, возглавил реставрационную мастерскую Государственного музея изящных искусств, получил дом-мастерскую на Малой Пироговской, съездил вместе с братом в путешествие по Европе...

Как объяснить симпатию Горького к Корину? Говорили, что пролетарский писатель увидел в замысле молодого

художника антирелигиозный смысл и хотел, чтобы Корин разоблачил и унижил церковную Русь. Не думаю, что Горький, столь неординарный человек, руководствовался такими циничными пропагандистскими целями. В пору знакомства с Кориным он переживал жесточайший внутренний кризис, очень болел и не мог не думать о смерти. Возможно, помощь Павлу Корину была своего рода покаянием Алексея Максимовича Пешкова.

В 1933 году один из портретов «Реквиема» даже появился на выставке в Историческом музее. Некий критик в статье, более смахивающей на донос, о Корине писал осторожно. Чувствуется, что ему так и хочется объявить молодого живописца «недобитой контрой», но он вынужден выбирать выражения,

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1892, 8 июля (25 июня по старому стилю). Родился в селе Палех Владимирской губернии, в семье потомственного иконописца Дмитрия Николаевича Корина.

1903–1907. Учеба в иконописной школе Палеха.

1908–1911. Работа в иконописной палате при Донском монастыре в Москве.

1911. Помогает М.В. Нестерову в росписи церкви Покрова Богородицы Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке.

1912–1916. Учеба в Училище живописи, ваяния и зодчества у К.А. Коровина, С.В. Малютина, Л.О. Пастернака.

1916. Работа над росписью усыпальницы вел. кн. Елизаветы Федоровны под церковью Покрова Богородицы Марфо-Мариинской обители.

1917. Творческие поездки в Киев и в Петроград, в Эрмитаж.

1920. Первое упоминание в записной книжке задуманной картины «Благослови, душе моя, Господа» (замысел не воплотился).

1920–1925. Создание копий фрагментов картины А. Иванова «Явление Христа народу» в размере подлинника.

1923. Путешествие с братом А.Д. Кориним по Русскому Северу, изучает росписи в соборах и церквях.

1926. Начало работы над этюдами-портретами для картины «Реквием. Русь уходящая».

7 марта. Венчание с Прасковьей Тихоновной Петровой, воспитанницей Марфо-Мариинской обители.

1931. Поездка на остров Валаам.

1931–1932. Поездка вместе с братом через Германию в Италию и Францию. Пишет портрет М. Горького в Сорренто. Участвует в реставрационной промывке картины А. Иванова «Явление Христа народу». Возглавляет реставрационную мастерскую ГМИИ, где работает до 1959 года.

1935. Поездка во Францию и Англию. Встреча с Ф.И. Шаляпиным в Париже.

1939–1943. По заказу Комитета по делам искусств пишет портреты выдающихся деятелей советской культуры: А.М. Леонидова, М.В. Нестерова, А.Н. Толстого, В.И. Качалова, Н.Ф. Гамалеи, К.Н. Игумнова, а также портрет Н.А. Пешковой.

1942–1945. Триптих «Александр Невский» и варианты эскизов триптиха «Дмитрий Донской». Портрет маршала Г.К. Жукова.

1945. Руководит (до 1955 года) реставрацией картин из собрания Дрезденской галереи.

1949–1950. Преподает в Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова.

1951–1952. Работает над созданием мозаичных панно для станций метрополитена «Комсомольская-кольцевая», «Арбатская», актового зала Московского государственного университета, эскизов витражей и мозаик для станции метрополитена «Новослободская».

1956. Пишет портрет Мартироса Сарьяна (ГТГ), за который на всемирной выставке в Брюсселе (1958) награжден Золотой медалью.

1957. Создает групповой портрет художников Кукрыниксов.

1961. Поездка в Италию. Портрет художника Ренато Гуттузо.

1957–1962. Руководит реставрацией панорамы Ф.А. Рубо «Бородинская битва». Звание народного художника СССР.

1963. Персональная выставка в честь 70-летия со дня рождения и 45-летия творческой деятельности в Академии художеств СССР.

1966. Написана центральная часть триптиха «Сполохи».

1967, 22 ноября. Скончался в Москве. Панихиду в Успенском соборе Новодевичьего монастыря служили архиепископ Пимен, будущий Патриарх, и епископ Волоколамский Питирим.

Похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря.

Иеромонах Пимен и епископ Антонин. 1935

Схишгумения Фамарь. 1935

Митрополит Сергей. 1937

поскольку знает, что у художника есть могущественный покровитель: «Бесспорно, что это огромное дарование... Вероятно, с Кориным придется крепко бороться, когда он выскажется полнее и яснее. Сейчас только можно предугадывать, что это пессимист и мизантроп...».

Незадолго до смерти Горького художник подписал договор о продаже своих работ государству и успел получить гонорар. Но после смерти писателя был вынужден разорвать договор из опасения, что картины будут уничтожены. (Потом еще двадцать лет он возвращал полученные за этюды деньги). Жена художника Прасковья Тихоновна держала в коридоре узелок с вещами – на случай, если за мужем придут из НКВД.

Но и в такой обстановке Павел Дмитриевич продолжал работать над «Реквиемом» и совершенно не скрывал этого. В 1937 году он пишет портрет митрополита Сергия Страгородского, ставшего вскоре Патриархом. В 1944 году делает натурные рисунки на его отпевании в Елоховском соборе.

В июле 1944 года открывается (и длится целых три месяца) выставка Корина в Третьяковской галерее. Это

было одно из тех событий, которое и неверующие люди расценивали как чудо. А Корин тогда записал в дневнике: «В день моих именин – Петра и Павла – была открыта моя выставка...».

Замечательно, что и следующая выставка Корина состоится в Москве, когда, казалось бы, это было совершенно невозможно. В 1962 году, в разгар хрущевских гонений на Церковь, в Академии художеств открывается выставка, где основное место занимают портреты... священников и монахов.

Художник Павел Никонов, впервые увидевший тогда работы Корина, вспоминает: «Впечатление было сногшибательное по остроте и активности. Это было неожиданно по качеству, ощущение чего-то абсолютно нового, не менее злободневного и актуального, чем авангард, который казался прошедшим. И главное, Корин утверждал, утверждал в каждом персонаже. Это была не просто скорбь по уходящему или, как у Нестерова, лирика... Нет, это было такое мощное, материальное утверждение права *этой* Руси на существование».

А в 1963 году художник получил Ленинскую премию! Понятно, что в

официальных сообщениях этюды к «Реквиему» не упоминались (говорилось о портретах Мартироса Сарьяна, Рубена Симонова, Ренато Гуттузо...), но все-таки это было признанием всего пути Корина.

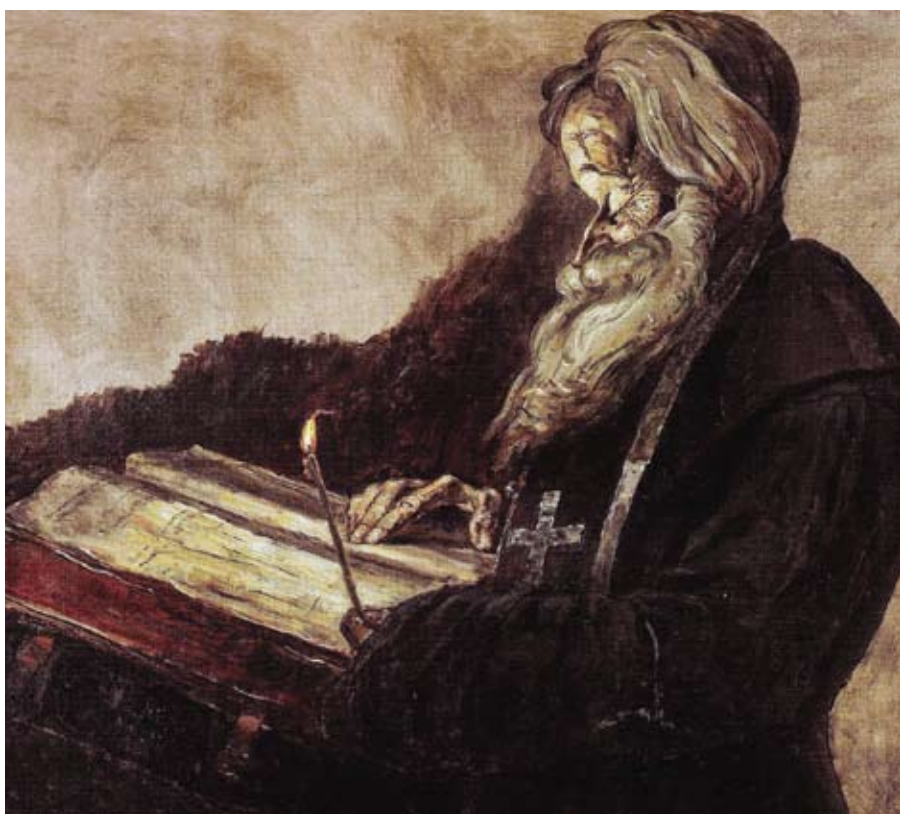
Летом 1965 года Павел Дмитриевич Корин прилетел на открытие своей выставки в Нью-Йорк. За две с половиной недели выставку посетили пятьдесят семь тысяч американцев. На пресс-конференции на вопрос «Как вам позволили писать ваши этюды?» Павел Дмитриевич категорично ответил: «За всю свою жизнь в искусстве я никогда ни у кого не спрашивал позволения, что и как мне писать».

Корин говорил правду. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на многие сохранившиеся фотопортреты художника, на его лицо, напоминающее неприступную крепость. Лицо человека, который главное для себя решил – однажды и навсегда.

Современники вспоминают, что при таком суровом облике у Корина были неожиданно синие глаза – того удивительного весеннего цвета, который так поражает нас во фресках Дионисия.

Из блокнота Корина

Священник со свечой у аналая. 1931

Митрополит Трифион (Туркестанов). 1929

Старик Гervasий Иванович. 1925

Шторм стих

Письмо тебе. Люблю тебя. Восемь баллов шторм, мы плохо держимся на якоре, вертимся, колышемся вместе с морем, мы ловим его, оно отпускает нас. Как на санках съезжаешь с крутой горы и перехватывает дыхание, так и мы с постепенным ускорением плавно восходим из пучины с крепким то на левый шкафут, то на правый. Мы растянулись на якоре, подтравливаем его иногда, успокоители качки выпустили из днища, крылья подводные, но декабрь болтает не первую неделю, и все, как пьяные, к переборкам липнут.

Идешь, а длинный узкий коридор медленно в спираль завертывается, и за задраенным иллюминатором, как в стиральной машинке, крутится вспененная вода. Мне все время есть хочется, а кому-то наоборот, это от опыта, погон и возраста моряков не зависит, шторм всех надвое делит. Сначала мы на двух якорях растянулись, как дерганет, думал, ракета в нас попала, нет, якорная цепь одна оторвалась.

Юнгой быть интересно. Порт приписки у нас – Севастополь. В хорошую погоду мы обычно на бочке стоим, на юте курим или на баке, вечерний город рассыпается горстью мелкого жемчуга с рубиновыми вкраплениями. Бочка – это бакен такой специальный, он показывает, где якорь удобно бросить. Кабельтов 10, 20, 30, может быть, до берега Батилимана, Балаклавы, Качи или где-нибудь у Феодосии можем стоять, покачиваться. Причалит к нам баркасик маленький, мятлый, набьется в него моряков потуже, и в увольнение до рынды полночной.

Севастополь живописный, весной бескозырок так много, что девушки по ним гадают. Чугунного Гулливера на площади слегка сутулят старые ордена, эполетное крыло, черное с патиной, над платанами парит, чайки бумерангами белыми вертятся. Напиши мне.

На большом параде флотском бескозырки, как поля Самарии, белеют, твой

телефонный голос в далеком космосе теряется. Вижу иногда свой корабль с берега, вечером, в бело-голубых сигнальных огнях на далекой бочке.

Иногда мы у стенки стоим, по земле бегаем. Стенка – это причал военный, кусок бухты, у воды обрыв, а дальше, за сеткой, пустынные холмы – как волны, то выжженные, то подвяленные крымские травы, растительная палитра без сахара. На утренней пробежке за добрым деревом терпения фазанов парочку поднимешь, куриные все с грохотом взлетают, вечером, уставший, письмо пишешь.

Письмо тебе, люблю тебя и верю. Замечательная комета. Сад гласных освятила в глубине души, пока я спал, обнял подушку с мыслью о тебе, ты только напиши мне, напиши.

У пустынных берегов Африки наш корабль перепелками завалило. Плотную стаю мы надстройками срезали, антенна центральная, большая железная сетка взяла их с аксаковской меткостью. Выбегаю вечером на полубак, на шкафут, а там прожекторы светят, снег

из перьев идет и дичь битая с неба валится. Шторм их как-то с курса сбил, летели они над самой водой. За ведром в трюм спустился, ведро перепелок с коростелами сварили.

Пустынные волны поют, как родные широты, когда не видишь никого в апреле, никуда специально и не смотришь, но все равно различаешь во всем многоголосье – там один поет, тут – другой, здесь – третий, и неустанный хор лесной, и в поле свой распев, все прилетели вновь, все славят красочно и звонкую хвалу возносят.

В хороший шторм раздразишь дверь из любопытства, как даст по тебе ледяной дверью, как унесет тебя и тех, кто с тобой, в конец отсека, потом в ужасе катаешься по скользкой горе палубы, отобьешь себе все, что только можно, задраишься наконец, счастливый

тем, что не смыло в открытое море.

Корабельный хлеб таков: сначала простой обычный хлеб, потом он постепенно заканчивается, появляются сухари, отличные сухари, большие, в крафт-мешках бумажных, килограммов двадцать мешок, далее появляется заспиртованный хлеб, в герметичном целлофановом пакете батончиков десять белого и ватка со спиртом. Нарезанный и подсушенный, он все равно спиртом пахнет, так проспиртовался, да и сушить его некогда, далее – опять сухари, и, наконец, вот он, его выпекают прямо на корабле, батончики маленькие, всем по кусочку достается, слегка резиновый, с ячменной мукой, кирпичик душистый оранжевого цвета.

Стоим на бочке возле Херсонеса, оранжевая течь, штиль. Старый боцман знает лучше всех, как имущество крепить по-штормовому. Старый боцман в низком звании был, это если судить по старым звездам на погонах, а вот дядька-то добрый, знал, наверное, про внутренний маяк. Я не знал, мне все жестью казалось тогда, за три года

столько карасей с катушек смыло, а сей-час и жесть потонула, и без романтики нельзя.

Учебная рота наша в бывших Нахимовских казармах располагалась, крепкий каменный мешок, плац по центру, потом тюрьма там была, что-то близкое к тюрьме там и осталось, толщина стен казарменных – полтора метра. Потолки – метров восемь, рота наша – человек сто, учат всех на мотористов, на котельных машинистов и на остальных мазутных мастеров, работников дыма и пара. Специальности эти трюмные притягивали к себе выходцев из Средней Азии, с Кавказа, из степей, с долин. Со мной в роте учебной русских парней было человек десять, пара украинцев, молдаванин один и, пожалуй, всё, остальные узбеки, таджики, чеченцы, армяне, азербайджанцы и Бог только весть кто.

Тяжелые водолазы в мутной воде. Трюмные специалисты, если что, должны уметь корабельные пробойны заделывать всевозможными бугельными заглушками, а уж в крайнем случае быть и тяжелыми водолазами. На этот крайний случай нас иногда привозили в крытый длинный павильон, похожий на станцию метро с путями, залитыми почти по самый верх платформы мутной водой. Эти дороги воды были очень глубокими и мутными, как кофе с молоком, потому что вода в них все время бурлила. Сама кафельная платформа была забита людьми в оранжевом и темно-синем, теми, кто постоянно погружался в мир тяжелых водолазов или прощался с ним. Оранжевый костюм, свинцовые боты, пояс свинцовый, а шлем просто раритет, медный еще. Медный круглый аквариум у тебя с головы свинчивают, а у каждого третьего – кровь из ушей или из носа, это потому, что русский язык знал плохо, прохлопал слово «инструктаж», или анекдот другу рассказывал, или не смекнул толком, в толкотне этой, как надо продуваться грамотно.

Все находились в первичном стрессе, наматывали ремень на ладонь правой руки, так, чтобы в кулаке короткая сабля с бляхой получалась. Все на собственных языках говорили, все в первый раз в такой обстановке встретились, в каждой этнической семье проявились активные лидеры, и от страха, подозрений, от простейшего недопонимания армяне рублили азербайджанцев, эти – узбеков,

тувинцы – грузин, а киргизов – таджики. Нелегко далась и мне эта учебная рота, и когда меня на корабль распределили, я забыл ее как сон.

Дома уже сон мне снится стал. Встречает меня в гальюне нахимовском тот же неугомонный русский парень, и я опять каплю красным то на кафель, то на асфальт, то на старый серый паркет. Бесы пугали, но отцы сказали в один голос, что мне простить человека надо, перекреститься во сне или молитву прочитать.

И вот сон опять меня пугает, но дал Бог Иисусову молитву вспомнить, и лишь первое слово молитвы пришло, понял, что я же все слова этой молитвы знаю, а едва понял, я расти как-то начал, или разрастаться, как великан, или просто вверх подниматься, и вот я уже выше потолка, выше казарм, в удивлении полном от чудесной молитвы, вот уж я над всем Севастополем, а внизу этот гальюнчик малюсенький совсем, и люди в нем как муравьи, всё, больше это мне не снилось никогда.

Мы проходим Босфор, турецкий пограничный катерок на крыльях вертится вокруг нас как муха, побережье тесно улеплено домиками, плотно, один на другом, и на каждом кусочке жилья – белая спутниковая тарелка. Берег пролива – как ствол дерева, плотно поросший кругленькими древесными грибами, вот уж тянется и старая стена старого города, цвета зимнего сена мокрого.

Тревога, как молотком по голове, стучит низким зуммером по карасне, а ты, карась уже просоленный, зашхерился высоко на надстройках, за центральной антенной, там, где большой выхлопной и вытяжной отсек, а рядом с ним маленький, забытый всеми склад старых черных ботинок, шинелей, бушлатов, влажных от плесени, черных шапок-ушанок. Если по переборке выхлопного отсека вскарабкаешься, то будешь выше всех, выше рубки самого кэпа, будешь смотреть вперед, туда, где Дарданеллы, моря бесчисленных островов и вечерних островных маяков космические фарватеры.

Письмо пишу, я знаю, ты будешь слышать мой голос, но я постараюсь еще больше, как стихи, эти листочки на поверхности незримого потопа, и лодка с дочерьми нашими и сынами, я уверен, как Ной, раз уж либо молчать нам, либо исповедовать, не придется нам вы-

бирать. Смерть взялась редактировать. Перечеркнутый крест-накрест. Жив.

Осенним вечером иду впервые по гулкой металлической палубе. Огромная железная машина, по крыше которой я иду, живая. Она действительно жила своей глобальной жизнью, космически попискивала, слегка вибрировала, издавала собственный рабочий низкий звук, чувствовалось, что это не просто палуба, это железная кожа туго натянутая, и сама она, гигантская эта коробка, полна механизмов, кубриков, кают, палуб, отсеков, надстроек, антенн, самых разных шхер.

В первый раз спускаюсь в трюм, жарко, отсек высокий, трубопроводов – на две «Бразилии», дизельный серебристый котел горит, кочегары сидят кружком, разговаривают, голые по пояс, в наколках, из ведра ложками едят картофельное пюре. Меня усадили, отличная картошка, как дома, здесь же приготовлена, перегретым сжатым паром из рабочего котла, через кусок патрубка резинового.

Первые полтора года спишь четыре часа в сутки, сначала как пьяный ходишь, но постепенно корабль изучаешь, находишь себе шхерку, где можно вздремнуть, а карасики приплывут, тогда и выплывешь, как старый добрый боцман говорил.

Морская болезнь потихоньку проходит, к ней привыкаешь, особенно если выспаться удастся, и если все же удастся, то как заново рождаешься, но потом потихоньку ты опять спишь все меньше, и если просыпаешься, то чувствуешь себя так, словно ты только что проснулся в конце той истории, конца которой теперь опять не видать, и засыпаешь на волне, и просыпаешься на плавно летящей куда-то постельной полке третьего, второго или первого яруса.

На бочке стоим, а на самой бочке баклан сидит черный, с блестящими светлыми подкрылками, вместе с бочкой белой качается, крыльями себе помогает балансировать. Мглистое море вблизи играет хрусталем горным, топазами и аметистами.

Эй, баклан! На кнехте сидеть нельзя, давай лети! Громко шугает какой-то карась из боцманской команды другого карася. Боцманы держат молодого карасика. Боцманы держат верхнюю палубу по карасевке, а дальше – любой здесь уже сам разбирается. Если за половину срока службы пере-

валило, карасем тебя никто уже не называет.

Баклан взлетает, разбирается с ветром, ловит его, набирает обороты и низко, над самыми кудрями волн, на всех оборотах своих, далеко позади оставляя ветер, долго, ровно режет то водную зябь, то серебряную россыпь, сливается с береговой линией.

Мы у Мелита крутились, волна сошла, и Павлов остров взяли без боя. Подошел мусорщик мальтийский, буксирчик портовый, сгрузили мы ему наш мусор, а потом, как водится, обмен всякой ерундой начался. Монеты, значки, тряпки, всякая дребедень. Я достал два новых кожаных ремня, черных с бляхами надраенными, бляхи золотом горят, солнце светит, в декабре здесь за двадцать по Цельсию. Говорю рыцарю с мусорщика, ты мне свой флажок государственный отрежь. Он отвечает, нельзя, мол, меня в порт не впустят, опознавательный флаг, все такое. Да ты, говорю, тряпку красную повесь, майку красно-белую найди, флажок-то небольшой. Нет, упирается, не могу, а сам на якоря в звездах смотрит, глаз своих черных оторвать не может. И не смог, на рубку свою поднялся, спустил флажок, отвязал, отрезал. Красно-белый флаг, льняное, грубое полотно. Крест с Егорием святым и девизом «Fog gallantry». На полуюте карасня, а так – никто не видел, как просоленный пират, оглядываясь, прятал флаг за пазуху.

Вера Кострова

Про терпенье и труд, которые все перетрут

Терпение – не только важнейшая этическая категория, это одна из самых чтимых человеческих добродетелей, свидетельствующая о зрелости личности. Терпению уделяют большое внимание все мировые религии: о нем говорится в Торе и Ветхом Завете, в Коране и Евангелии, терпение – краеугольный камень буддизма. Терпению учит фольклор всего мира. Возьмите миф об Орфее и Эвридике. Юноша навсегда терять возлюбленную из-за своего нетерпения. Вспомним русскую сказку о царевне-лягушке, в которой за свое нетерпение Иван-царевич подвергается тяжелым испытаниям. А представьте себе, как могли бы развернуться события в сказке о царе Салтане, если бы

Эй, море! Может хриплым голосом окрикнуть тебя какой-нибудь старенький дедушка с палочкой, в рваной тельняшке под ветхим пиджачком, у продуктового, а если ты у него папироску стрельнешь, то дело дойдет до «Марсаль», привидений в Атлантике. Первые миры похожи на последующие, как вариации, а тема одна.

Ты оживил человека, сделал меня человеком-кораблем, в груди моей иллюминатор, люмитер на всю грудь, в нем, как в стиральной машинке, пенится вода, хорошая волна дает отвал хороший, но когда шторм стихает, становится наконец виден свет, серебряная нить горизонта.

Сын мой, Савва, в киношколу ходит, сейчас Хичкок, саспенс его интересует. Чайки, Чехов, Ричард Бах. У Саввы в море киноискусства галсы. Лоцманская тема, он еще не знает, где его маяк, это я уже знаю, кем я стал, я старое дерево с холодным дуплом, я человек-скворечник, пустой. Стань пичужечкой в груди. Стань. Скажи волнению моему – и стихнет.

Письмо. Невидимый маяк. Лучина сердца моего. Лучинушка зажгла чудесный день. Февраль голубокрылых птиц. Соль. Счастье в том, что никогда и ни в кого мы не стреляли, не попали, пустили редкие крылатые ракеты, безголовые, они ныряли в пустоту квадратов глади. Море сегодня какое спокойное. Слово спасало меня, бедствующего в

пучинах. Слово любой шторм успокаивает. Тишина Слова Божия.

Ты открываешь глаза, даешь возможность заглянуть в сад, возможность задуматься о добрых деревьях, искать их, долго разыскивать, представлять этот сад деревьев (это деревья добродетелей, нарисовать бы хоть одно из них) и все же видеть. Нет, это не легкие привидения над волнами, абстрактные, это не старые стволы, и старая кора, и волны вздетых к небу рук в пучине сучьев.

Это слабые росточки: хилый саженец смирения, кривое деревце молчания, старое, болющее, плодовое дерево смертной памяти. Деревце светлого страха. Увидел я веточку дерева веры – сад весь обратился морем. По юности мне ничего такого и на сердце не всходило, и не снилось. Тайна, длящаяся во времени. Деревце исповедальное.

Нил наш подходит ко мне, говорит, папа, птичка к тебе прилетела. Я отвечаю: хорошая птичка, она других птичек знает, таких, которые поют хорошо. Знает, говорит Нил, глобушек. Птичка наша глобушек.

Когда я увидел тебя, я не рассказывал тебе о корабле, я не узнал тебя, я понял, что при каждой встрече ты неузнаваема. Когда мы чувствовали, что нам досталось так много, нам доставалось еще больше. С каждым словом мы поднимались, мы опускались и поднимались, перехватывало дух и отпускало, утренний сад пел море.

Если о труде в нашей стране иногда еще говорят, то слово «терпенье» почти не произносится, а зря...

отец приехал в гости к князю Гвидону по первому же приглашению? Князь не увидел бы превращения лебеди в царевну, и его личная жизнь не сложилась бы столь удачно. Терпение в сказках всегда

вознаграждается. Почему же важное понятие вышло из обихода большинства наших современников?

Вероятно, виной тому нынешние скорости и бурное развитие технологий, опережающее самые смелые мечты фантастов. Если еще пятнадцать лет назад нам приходилось запасаться терпением, чтобы дождаться письма от друга или родственника, живущего в другом

городе, то сегодня электронное послание мгновенно доходит даже с другого континента. Чтобы написать реферат к уроку истории, школьнику нужно было рыться в книгах и даже (!) идти в публичную библиотеку, терпеливо

просматривать множество книг или журналов, выбирая необходимую информацию, а потом старательно перепечатывать или переписывать найденное на белые листы четвертого формата. Многие при этом даже (представьте!!) пользовались черновиками. Где вы, черновики – воспитатели терпенья, помогающие оттачивать стиль и слог? Сегодня в вас почти никто не нуждается. Компьютер сам сделает всю предварительную черновую работу. Чем быстрее ученик освоит

буфер обмена, опции «копировать» и «вставить», тем беззаботнее сложится его школьная жизнь...

Спору нет, сегодня стало намного удобнее не только творить – создавать художественные и не очень художественные тексты, но и «образовываться»: получать нужную информацию и использовать ее в курсовых и рефератах. Жаль только, что качество получаемого таким простым способом «готового продукта» неуклонно снижается. Вероятно, потому, что оно, это самое качество, прямо пропорционально количеству труда и терпения, вложенного в изготовление художественного или интеллектуального продукта.

Получается, что развитию терпения, целеустремленности и трудолюбия научно-технический прогресс никак не способствует. А может быть, в реальной жизни эти качества стали не нужны? Зачем терпеть, трудиться, преодолевать и добиваться, если можно получить все и сразу? Городские дети с пеленок ориентированы на моментальное удовлетворение своих растущих потребностей. Сельские ребята более терпеливы и трудолюбивы, потому что, к счастью для них, технологии на селе пока еще не сильно развиты. Только там и услышишь иногда пословицу, хорошо известную нам и нашим родителям (кстати, имеющую аналоги во всех языках мира): «На всякое хотенье есть терпенье».

Однако сейчас ни в городе, ни в деревне «на хотенье» терпенье нет. Ни границ, ни берегов, ни удержу, ни предела. В итоге имеем вполне прогнозируемый результат: девочки и мальчики вступают в половые отношения как только захотят, и ни семья, ни школа поделаться с этим ничего не могут. И это понятно – терпению нужно учить с колыбели, в 14-15 лет уже поздно. Подросткам не терпится вкусить все «прелести» взрослой жизни: пить, курить, гулять ночи напролет. И пробуют, и гуляют, и спиваются. Вырастает инфантильное, безответственное и безразличное поколение, не способное на серьезные, осмысленные поступки. Нет терпенья – системы нравственных запретов тоже нет, она просто не сформирована. Хотите дальше? Следствием неумения терпеть становится нетерпимость и готовность к агрессии – неважно, в какой форме: по отношению к представителям иных рас и конфессий, к иначе одетым,

иначе говорящим людям, к сверстникам, болеющим за другую футбольную команду... Перечень можно продолжить. За нетерпеливость революционеров, не пожелавших трудиться над просвещением широких народных масс (а чтобы положительные изменения в сознании произошли, требуется работа многих поколений интеллигенции – об этом еще Чехов писал), Россия заплатила морем крови и жизнями миллионов соотечественников. Большевикам некогда было ждать: им хотелось не только в мечтах увидеть счастливое и справедливое общество, но и пожить в нем...

Некоторые могут сказать: это преувеличение и натяжка. Возможно. Но давайте отойдем от крайностей и обратимся к законопослушным и внешне более или менее благопристойным молодым людям: менеджерам, представителям так называемого офисного планктона – имя им легион. Статистика свидетельствует, что многие из них не могут создать прочной и долговременной семьи. Почему? Потому что ориентированы на материальные ценности и внешний успех (карьеру, дающую комфорт и достаток), но терпеть, пока избранник или избранница возьмет очередную офисную высоту, многим не под силу.

У молодежи, профессионально занятой наукой или творчеством, к счастью, имеются другие объединяющие моменты, поэтому и шансов для создания прочной семьи больше. В этих сферах работают люди, получающие удовольствие не только от результата, но от самого процесса, то есть от ежедневного труда – маленьких шагов и крошечных побед, невысказанных без терпения.

И еще об одном хотелось бы сказать в заключение. Терпение – это не покорность, не бесхребетность, а способность отстаивать внутреннее «я», другими словами – во что бы то ни стало сохранять человеческое достоинство. Сохранять в самые тяжелые моменты, когда, кажется, терпеть невозможно. Этому тоже нужно учить с детства, потому что жизнь сложная, и неизвестно, какие испытания могут выпасть на долю человека, даже родив-

шегося в благополучной семье (пример с Михаилом Ходорковским – всем нам наука). О терпенье писал Пушкин своим друзьям-декабристам, о нем же напомнил наш современник поэт Юрий Грунин, тринадцать лет своей жизни проведший в лагерях, сначала в немецком, потом в сибирских:

*Такие строки не умрут –
Их вещей смысл постиг теперь я:
Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье!
Во глубине, в углу, в себе,
В Сибири, в сером серебре
Своих висков, во льдах, в граните
К своей земле, к своей судьбе
Терпенье гордое храните!
Не зло, не горечь, не печаль –
Они пройдут угрюмой тенью.
Пред нами дней грядущих даль –
Храним мы гордое терпенье.
Пусть ночью нары, днем кирка
И пусть сердца легкоранимы,
Пусть наша правда далека –
Терпенье гордое храним мы.
Оно нам силой станет тут,
Спасет от мрака отупенья –
Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье!*

Стихи – и те, что помнил, и те, что сочинил сам, – помогли автору выстоять, выдержать все испытания. Благодаря прочному культурному и нравственному фундаменту он смог остаться человеком и вернуться к нормальной жизни. Юрий Грунин живет и трудится в Жезказгане, в последние годы вышло несколько сборников его стихов, многие из них доступны в интернете. Для меня его стихотворение о терпении – псалом, поддерживающий и спасающий в самые трудные минуты. Я и ученикам его цитирую, чтобы почувствовали, как это важно – научиться терпеть.

Вера Кострова родилась и живет в Нижнем Новгороде, в прошлом – учитель русского языка и литературы, последние годы – собственный корреспондент «Учительской газеты» в Поволжье.

Соловецкие истории*

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ. КАК ЧАЙКИ СПАСЛИ СОЛОВКИ

Тайка – самая соловецкая птица. Летом они целыми днями кричат и толкутся на прибрежных камнях. Еще бы – никто их не обижает (сейчас Соловецкие острова – это огромный заповедник), и рыбы вволю. Сто, двести лет назад чайки большими колониями жили прямо в монастыре и выводили птенцов в тихих внутренних двориках. А однажды, как рассказывает соловецкая легенда, они спасли монастырь от вражеской осады.

В июле 1854 года к Большому Соловецкому острову подошли два английских фрегата¹ – «Бриск» и «Миранда». Дело в том, что Россия воевала тогда с Англией, Турцией и Францией. Основные сражения велись на юге, в Крыму, и в историю эта война вошла как Крымская. Но англичане решили развернуть боевые действия и на севере России.

Командир английской эскадры² передал на берег грозное сообщение: «Гарнизон русской крепости должен немедленно сдаться вместе с оружием!». Видно, англичане посчитали вну-

шительные монастырские стены крепостными. Что же делать? Сдаваться? Вяжаться в бой? Но монахам не положено стрелять. По случаю военного времени монастырь охраняла небольшая команда старых солдат-инвалидов с несколькими такими же старыми пушками. Что они могли против ста двадцати орудий англичан? К тому же в монастыре много богомольцев, есть среди них и дети. Да еще чайки так некстати заполнили монастырские дворы со своими птенцами.

Стали монахи молиться, пошли крестным ходом с иконами по стенам монастыря. Англичане смотрели в подзорные трубы и дивились – что за хитрые боевые маневры? Подождали еще немного и открыли огонь. Девять часов обстреливали монастырь с английских фрегатов, выпустили около тысячи восьмисот ядер. Как говорят артиллеристы, этого вполне достаточно для разрушения нескольких городов. И вдруг тысячи потревоженных чаек, как по команде, поднялись в воздух и закружили над кораблями. Некоторые птицы отваживались летать так близко, что задевали крыльями головы английских матросов. Плотная белая завеса из птичьих тел мешала артиллеристам хорошенько прицелиться. Они громко бранились и махали руками, отгоняя чаек, но птицы не улетали. И тогда командир эскадры отдал приказ к отступлению.

Некоторые монастырские постройки были повреждены английскими

ядрами, но никто из людей не пострадал. Даже ни один птенец чайки не был ранен случайным осколком.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ. О СОЛОВЕЦКИХ ЮНГАХ

ще одна «военно-морская» страница истории Соловков была написана уже в XX веке. Недалеко от Спасо-Преображенского монастыря есть небольшой каменный обелиск с силуэтом парусника и настоящим корабельным якорем у подножия. Он поставлен здесь в память о том, что во время Великой Отечественной войны на Большом Соловецком острове располагалась Школа юнг³ Военно-Морского Флота. Многие мальчишки рвались тогда сражаться с врагом наравне со взрослыми. Вот для таких смельчаков и была организована Школа юнг, где готовили радистов, боцманов, рулевых и мотористов для военных кораблей. А было этим юнгам пятнадцать, четырнадцать, а то и всего тринадцать лет.

³ «Юнга» – это голландское слово пришло к нам в Россию в эпоху императора Петра I вместе с первыми военными кораблями. Юнгами называют мальчиков, обучающихся морскому делу прямо на корабле или в специальной школе. Кстати, самую первую школу юнг открыли как раз по указу Петра I в Кронштадте.

* Наше путешествие кончается. А начинали мы его в предыдущем номере журнала.

¹ Фрегат – трехмачтовый военный парусный корабль.

² Эскадра – объединение нескольких кораблей для выполнения боевой задачи.

Однажды ночью, в сильный шторм, судно с будущими юнгами на борту подошло к острову. Так было спокойнее – недалеко в море дежурили фашистские подводные лодки, а шторм мешал им атаковать. Измученные качкой мальчишки повалились на траву, но нужно было подниматься и идти пешком пятнадцать километров в Савватьево, где располагалась школа. Когда-то именно здесь высадились впервые на соловецкий берег преподобные Савватий и Герман, о которых ты уже знаешь. Пришли в Савватьево, а оказалось, что школу надо еще сначала построить. Самим, своими руками. Разрушенный храм и бывшие монашеские кельи – больше там ничего не было. Все лето и половину осени 1942 года ребята вместе с преподавателями валили деревья, корчевали пни и копали землю. Жили пока в палатках, умывались на озере, обедали под открытым небом, прикрывая тарелку с кашей от летящего в нее снега. А еще несли круглосуточный караул с оружием – ведь немцы были совсем рядом.

Только в ноябре юнги взялись за учебники. Учились старательно, перегоняя друг друга, чтобы сдать экзамены на пятерки и поскорее попасть на флот. Мальчишки должны были освоить морскую науку меньше чем за год. И не только по книгам. Вместе с офицерами ребята соорудили точную копию мостика боевого корабля – с мачтой, трапами и разными морскими приборами. Учились вязать морские узлы и передавать с помощью флажков сигналы азбуки Морзе⁴. А когда к маю на море сошел лед, ходили наперегонки на шлюпках⁵. Занятия шли по восемь часов каждый день, без праздников и выходных. А еще нужно было рубить дрова и топить печки в землянках⁶ и классах, дежурить на камбузе⁷, стирать и гладить огромным чугуном утюгом гюйсы⁸ и форменные брюки. При-

⁴ Азбука Морзе – особая система знаков, с помощью которых передают важные сообщения. Ее знают все моряки.

⁵ Шлюпка – маленькая лодочка с веслами.

⁶ Землянка – дом военного времени, вырытый в земле и накрытый крышей.

⁷ Камбуз – так моряки называют кухню.

⁸ Гюйс – форменный воротник синего цвета с тремя белыми полосками по краям, а также флаг на корме военного корабля.

чем стрелки на брюках должны быть ровными, а форма – идеально чистой. Зимой приходилось стирать в проруби на озере, и намыленная одежда тут же покрывалась льдом. Вставляли каждый день в шесть утра и засыпали без сил в одиннадцать вечера, как только голова касалась подушки. А в землянке всего одна маленькая печка на пятьдесят человек. Чтобы спать в тепле, мальчишки придумали «военную хитрость» – нагревали кирпичи, заворачивали в простыню и клали под одеяло, как грелку. Трудно так жить и учиться, а что поделаешь? Моряк должен уметь найти выход из любой ситуации. Тем более – военный моряк. Тем более – в военное время. Мальчишки это прекрасно понимали и старались изо всех сил.

Каждому воспитаннику и преподавателю Школы юнг выдавали «денежное довольствие», как говорят в армии. Все эти деньги они перечисляли в Фонд обороны. В 1943 году на них был построен настоящий военный корабль – торпедный катер «Юнга», который бился с фашистами на Черном море. После выпускных экзаменов юнгам полагался месячный отпуск перед отправкой на фронт. Но когда перед строем выпускников зачитали решение командования – разрешить желающим отправиться на боевые корабли немедленно, без отпуска, – по команде «Шаг вперед, желающие!» вперед шагнул весь строй.

За время войны Школа юнг подготовила для флота четыре тысячи моряков. И каждый четвертый юнга погиб в бою. Одна из улиц поселка, расположенного на Большом Соловецком острове, носит имя юнги Саши Ковалева. После выпуска из школы он успел прослужить на Северном флоте всего три месяца, но уже имел две боевые награды – орден Красной Звезды и медаль Ушакова. 8 мая 1944 года торпедный катер, на который юнга Ковалев был определен мотористом, атаковал сразу несколько немецких кораблей. В неравном бою катер получил серьезные повреждения. Один из моторов был совсем разбит, а из другого хлестал кипяток, смешанный с маслом и бензином. Катер постепенно замедлял ход. Еще немного, и от перегрева мотор должен был взорваться. Нельзя было медлить ни минуты. Саша схватил перемазанную маслом

телогрейку и зажал ею пробойну в моторе. Но горячая вода продолжала хлестать насквозь. Тогда юнга навалился всем телом на телогрейку и не отходил до тех пор, пока не подоспела помощь. Он получил страшные ожоги, но экипаж катера был спасен.

За свой подвиг воспитанник Соловецкой школы юнг Александр Ковалев посмертно был награжден орденом Отечественной войны 1 степени.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ, САМАЯ СТРАШНАЯ

ля того, чтобы рассказать все самые интересные истории про Соловки, потребовалось бы еще много страниц. Когда-нибудь ты узнаешь о том, для чего приплывал

сюда молодой русский царь Петр Первый и почему царские стрельцы воевали с соловецкими монахами, зачем монастырю понадобилось открыть на Соловках первую научную биостанцию и кто построил здесь первый аэродром. А я расскажу тебе напоследок самую страшную историю, если, конечно, ты не боишься. И пусть она будет самой короткой.

В 1917 году в России произошла революция. Император Николай II был свергнут, власть в стране захватили люди, которые называли себя большевиками. Они люто ненавидели все, что напоминало о величии и славе России, и поэтому особенно безжалостно разрушали старинные усадьбы, храмы и монастыри. А те, кто верил в Бога, вообще были объявлены «врагами народа». Теперь на Соловецкие острова монахи и священники приплывали уже не по своей воле – их привозили под охраной, как преступников. На долгие годы, почти до начала Великой Отечественной войны, Соловецкий архипелаг превратился в огромную тюрьму. Многие ни в чем не повинные люди умирали здесь от болезней, голода, непосильного труда и издевательств охранников. Тысячи деревянных могильных крестов покрыли тогда соловецкую землю.

Только в конце XX века монастырь снова стал монастырем. Снова колокол возвещает о начале богослужения, и его звон далеко разносится над морем. Снова идут в Бухту благополучия кораблики с путешественниками и богомольцами. А о страшных временах тюрьмы напоминает береза на острове Анзер, выросшая в форме креста. Давай остановимся у креста в лесу, помолчим, поклонимся в землю...

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ. О РАЗНОЦВЕТНЫХ ДОРОГАХ

пожалуй, и не отвечу сразу, если ты спросишь меня, что на Соловках интереснее всего. Каждый находит там что-

то для себя. На Соловках всего много – и удивительных творений человеческих рук, и забавных животных, и моря, и лесов, и озер, и болот. Даже горы есть – Голгофа и Фавор, как в Палестине. А вот рек совсем нет. Пресную воду людям дают озера. Их на архипелаге пятьсот шестнадцать. Леса укрывают острова от сильных ветров, море наполняет воздух запахом йода. Оттого так легко дышать во время долгих пеших прогулок по соловецким дорогам. Они тут тоже необыкновенные – разноцветные.

Рыжая от опавшей сосновой хвои, широкая исхоженная дорога ведет через весь Большой Соловецкий остров от монастыря к месту первого пристанища Савватия и Германа – в Савватьево, к Секирной горе. На вершине горы стоит храм Вознесения Господня, храм-маяк, построенный в середине XIX столетия. Над куполом храма вделан огромный фонарь, указывавший в старину путь монастырским судам. Этот маяк считается самым большим на всем Белом море и действует до сих пор. Да и сама дорога на Секирную гору удивительная, ей больше пятисот лет, это одна из древнейших дорог на острове.

Голубые дороги Большого Соловецкого острова – это каналы, созданные в начале XX века, чтобы подавать пресную воду из лесных озер в монастырь, стоящий на морском берегу. Весной и осенью, в распутицу, когда по Большому Соловецкому острову невозможно пройти ни пешему, ни конному, монахи сплавлялись по этим каналам на лодочках, оберегая дороги от разрушения. А теперь и мы плывем по ним от озера к озеру, будто по небу, в облаках, опрокинутых в воду. Над головой – изумрудный шатер сомкнутых деревьев, прошитых золотыми нитями июльского солнца. Тихо-тихо, слышно только, как хлюпают весла в воду. Берега каналов выложены каменными валунами, и кажется, будто оказался внутри диковинного замка лесного царя.

В лесной глубине поблескивают от влаги серебряные дороги. Это гати, как их называют соловчане, – настилы из толстых бревен, уложенные давным-давно по болотистым местам, чтобы можно было безопасно перебираться. Солнце, дожди и ветры посеребрили когда-то золотые сосновые стволы. Тонкой серебряной сеткой висят над ними комарики, бесчисленные, прожорливые, и поют свою бесконечную песню над нашими головами. Соловчане любят говорить, что на островах есть только один вид хищников – комары. Но какие же они свирепые хищники!

Есть здесь и красные, и синие дороги бруснично-черничные, где ягод столько, что не знаешь, куда ступить, чтобы не растоптать их. Есть дороги желтые и фиолетово-розовые от медуницы и иван-чая, над которыми трудятся-гудят пчелы. Эти дороги больше похожи на пестрые одеяла, постеленные усталому путнику для отдыха. Ложишься в пахучую пеструю зелень и лежишь неподвижно, долго, забывая о времени. «Ну вот, еще один осоловел!» – говорят в таких случаях островитяне. Каждый, кто хоть раз побывал на Соловках, заболевает этой странной «болезнью» – влюбляется в Соловки навсегда. Хочется бродить по островам снова и снова, но дела и дом в Москве ждут и торопят – возвращайтесь! И мы со вздохом собираем рюкзаки.

До свидания, Соловки! До будущего лета!

Анатолий Жигулин СОЛОВЕЦКАЯ ЧАЙКА

*Соловецкая чайка
Всегда голодна.
Замирает над пеною
Жалобный крик.
И свинцовая
Горькая катит волна
На далекий туманный
Пустой материк.*

*А на белом песке –
Золотая лоза.
Золотая густая
Лоза-шелюга.
И соленые брызги
Бросает в глаза,
И холодной водой
Обдает берега.*

*И обветренным
Мокрым куском янтаря
Над безбрежием черных
Дымящихся вод,
Над холодными стенами
Монастыря
Золотистое солнце
В тумане встает...*

*Только зыбкие тени
Развеванных дум.
Только горькая стылая.
Злая вода.*

*Ничего не решил
Протопоп Аввакум.
Все осталось как было.
И будет всегда.*

*Только серые камни
Лежат не дыша.
Только мохом покрылся
Кирпичный карниз.
Только белая чайка –
Большая душа –
Замирает, кружится
И падает вниз.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Лариса Беляева
(фоторепортаж)
Чином Великого освящения 2

Великий подвиг веры
(Из Слова Святейшего Патриарха) 3

Архивариус
И ныне, и присно, и во веки веков 4

Вадим Рутковский
Кандидат в «последние попы» 6

КАК ЖИТЬ ВЕРУЮЩЕМУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?

Иерей Сергей Ванюков – Павел Демидов
Корабль спасения 9

Сергей Мамай – Павел Демидов
...Дабы не прельстился ни один из малых сих 13

Лариса Беляева
Анкета «Лампады».
Скажите, пожалуйста... 16

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

В.В. Шелохаев
Забывтый современник 18

Валентин Курбатов
Прикосновение 19

Н.С. Арсеньев
Преображение мира и жизни (фрагмент книги) 22

СТРАНА СЛОВ

Зоя Ерошок
Наум Коржавин:
«Стыд приводит к постижению Бога» 24

Наум Коржавин
Стихи разных лет 26

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Неприступная крепость Павла Корина 28

МИР ВОКРУГ НАС

Василий Крюков
Шторм стих 32

Вера Кострова
Про терпенье и труд, которые все перетрут 34

ЛАМПАДКА

Елена Литвяк, фото Виктора Ахломова
Соловецкие истории 36

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Зам. главного редактора
Лариса Беляева (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: храм свв. апп. Петра
и Павла в Петергофе. Фото Вадима
Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-963-962-5575

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 15.05.2014
Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфиче-
ский комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск,
ул. Мира, 93

Контактные телефоны:
(495) 745-84-28;
(49638) 2-06-85

Тираж 1200 экз. Заказ № 0210
© Лампада, 2014

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно на сайтах
www.znamenie-hovrino.ru и pressa.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Выписать «ЛАМПАДУ» можно
в любом отделении связи –
подписной индекс:
16594 в каталоге «Почта России»
или непосредственно в редакции –
8 963 962 5575

Обращаем внимание подписчиков:
со 2-го полугодия у нас только один под-
писной индекс

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	свт. Климента, папы Римского
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
св. мц. Татианы при МГУ	Книжный магазин «Книжница»
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Воскресения Христова в Сокольниках	Всех святых во Всехсвятском
Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря	Всемилоостивого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Преображения Господня в Тушине
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	прп. Сергия Радонежского в Бусинове
прп. Алексия, человека Божия	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хорошеве	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Троицы Живоначальной в Хохлах	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	Всех Святых во Всехсвятском на Соколе
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	Воскресения Христова в Кадашах
царевича Димитрия при Голицынской больнице	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
Троицы Живоначальной в Останкине	прп. Сергия Радонежского
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	в Крапивниках
апостола Иоанна Богослова	

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 3 (96) 2014
май – июнь

Тема номера:
**КАК ЖИТЬ ВЕРУЮЩЕМУ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?**

- Патриарх – в нашем храме
- каждую ночь – крестным ходом
- возвращение «дяди Николы»